

★ Валерий КИСЕЛЕВ ★

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Кровавое лето 1941 года

Валерий Павлович Киселев
Непобежденные.
Кровавое лето 1941 года
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7392145

Валерий Киселев. Непобежденные. Кровавое лето 1941 года: Якузакаталог, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73108-4

Аннотация

Они приняли боевое крещение в июле 1941 года под Могилевом. Их дивизия пошла в бой против самого сильного соединения Вермахта – 2-й танковой группы Гудериана, – имея в строю 14 тысяч штыков. Через три месяца из третьего по счету окружения прорвались 806 бойцов. Израненные, обескровленные, черные от голода и недосыпа, едва держащиеся на ногах, видевшие все круги фронтового ада, – но несломленные. Непобежденные. Непобедимые...

Этот роман основан на реальных событиях – автор не только опросил всех оставшихся в живых ветеранов 137-й стрелковой дивизии, но и сам прошел пешком весь ее боевой путь. В этой

книге нет ни слова вымысла, ни умолчаний, ни парадных мифов. Это чистая, неразбавленная, обжигающая, как фронтовые 100 грамм, перехватывающая дух и пробирающая до слез «окопная правда» Великой Отечественной. Это – гимн непобедимой русской пехоте, стоявшей насмерть летом 1941 года.

Содержание

В строй – с июня, в бой – с июля...	5
Смерть на войне обычна и сурова...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Валерий Киселев

Непобежденные.

Кровавое лето 1941 года

В строй – с июня, в бой – с июля...

– Командир, а командир... Товарищ лейтенант! – перешел на официальный тон красноармеец Новиков, заметив, что у спящего взводного дрогнули ресницы. – Станция. Разрешите за кипятком сбегать?

Лейтенант Валентин Вольхин посмотрел на часы: «Уже четвертый...» В проеме вагона светало.

Надев пилотку и подтянув ремни, Валентин шагнул к двери вагона. В нос, как и на всех станциях, где останавливались воинские эшелоны, ударил крепкий запах мочи. Бойцы его взвода спали вповалку, некоторые негромко похрапывали. Вторые сутки слушал Вольхин перестук вагонных колес, привык, и тишина уже казалась странной. Где-то в голове эшелона запыхтел паровоз, на соседних путях раздался легкий и протяжный перестук вагонов – шла сцепка. В вылезшей из-под соседнего вагона фигуре Вольхин узнал командира полковой батареи «сорокапятков» лейтенанта Бориса Терещенко.

– А ты что не спишь? – спросил он. – И здесь уже бомбят, надо же. В Брянске мы, оказывается. Наверное, долго стоим: впереди пути ремонтируют.

– Если из Москвы на Брянск повернули, то скорей всего на Украину повезут, как думаешь? – спросил Вольхин.

– Кто знает... По мне, лучше бы туда. Может быть, через Полтаву поедem. – У Терещенко там жили родители. «Из Брянска на Полтаву не попадешь...» – с сожалением подумал Борис, вспомнив карту. – А помнишь, вчера в Москве, когда к нам товарищ Щербаков подходил, я его намек так понял, что мы в Белоруссию едем.

– Станет он тебе намекать! Просто так сказал, и все. А думаешь, он знает, куда мы едем?

Но в голове у Вольхина тоже сидела эта случайно оброненная Щербаковым фраза: «Ну что, выдержат сапоги Пинские болота?» – «Пинские! В Белоруссию направляют!» – мелькнула тогда мысль. Но Щербаков, конечно же, хотя и был секретарем ЦК ВКП (б), вряд ли знал, куда направляется их дивизия, если об этом не знали ни начальник эшелона, ни командир полка.

Из-под соседнего эшелона показался бегавший за водой Новиков. В руке он держал ремень, на нем болталось с десятков солдатских фляжек.

– Быстро ты. Недалеко, значит, вода? – спросил его Вольхин.

– Вагонов через пять пролез. Товарищ лейтенант, тут в

эшелоне немцы пленные, в теплушке. Пробегаю – слышу, говорят по-немецки, да так громко, я даже обмер. Часовой сказал, что это летчики. Я заглянул в вагон – ну и морды...

– Залезай скорей, стоишь тут без ремня, вон ротный идет.

– Вольхин! Это у тебя люди бегают? Почему часового не видно? – сердито спросил подошедший командир роты старший лейтенант Цабут, подтянутый крепыш с кривыми «покавалерийски» ногами.

– Первухин! – громко крикнул Вольхин.

– Здесь я, товарищ лейтенант, – выглянул часовой из вагона.

Вольхин сел на пол вагона. Спать уже не хотелось, да и совсем рассвело. «Эх, ведь собирался записывать впечатления», – подумал он и достал из планшета записную книжку. Вдохнул глубоко, задумался, стараясь привести в порядок впечатления последних дней.

Всего лишь неделю назад плыл он на прогулочном теплоходе в Васильсурск, начинался отпуск после экзаменов в школе, где он работал учителем математики, и вдруг на тебе, война. «С корабля на бал», – с горькой иронией подумал Валентин и вспомнил, как он слушал на пристани выступление по радио наркома иностранных дел Молотова, все стараясь связать его слова о начавшейся войне с заявлением ТАСС от 14 июня. В голове тогда только стучало: «Война... Но как же так?» С пристани он, не заходя домой, побежал в военкомат. Последние два года его частенько призывали на сборы как

лейтенанта запаса.

Сейчас он с трудом вспоминал подробности этого первого дня войны. В военкомате принял по списку бойцов своего взвода. Потом через кремль спустились в Красные казармы и там получили снаряжение и оружие. Когда принесли ящики с винтовками, он понял, что дело серьезное и, видимо, надолго. Это, пока все переодевались в военное, была надежда, что все образуется, их немного подержат, пока правительства СССР и Германии ведут переговоры, и отпустят домой.

Вечером удалось сбегать проститься с матерью. Ночевать предстояло уже в казарме. Мать была удивлена, увидев сына в форме, и никак не хотела поверить, что завтра возможна отправка на фронт. Вспомнились ее растерянные, заплаканные глаза, казавшиеся тогда лишними и даже обидными слова: «Будь осторожен, береги себя, береги себя, сынок». Он не чувствовал ни страха, ни растерянности, была, наоборот, мальчишеская радость, что едет на фронт одним из первых. Никогда еще он с такой гордостью не надевал военную форму.

С утра на второй день войны их 771-й полк начал погрузку в эшелон. Несколько часов заносили в вагоны ящики со снарядами и патронами, дружно, с матерком и смехом, втаскивали на платформы новенькие «сорокапятки», заводили туда же упиравшихся, нервно ржавших приписных лошадей, пригнанных из ближайших колхозов. С удивлением, что даже это было кем-то заранее предусмотрено, нагрузили для

лошадей два вагона прошлогоднего прессованного сена в тюках.

В первый день, когда взвод только получил обмундирование и все сели его подгонять, стараясь держаться вместе и не смешиваясь с другими, Вольхин, как приказал комиссар полка, опросил своих бойцов: кто, где и когда родился, кем работал. Но в тревоге и сумятице первых дней запомнить удалось не всех, сначала и в лицо путал. Почти все, прибывшие из запаса, оказались уроженцами Павловского района. В основном колхозники, мужики серьезные, семейные. Многие жалели, что уезжают на фронт и не успели накосить дома на корову. Вольхин обрадовался, что одно отделение у него будет кадровое. Командовал им сержант Олег Мухин, москвич, парень интеллигентной внешности, как узнал потом Вольхин, студент МИСИ. На призывном пункте он увидел много знакомых лиц по сборам осенью и весной, попросил капитана Шапошникова, начальника штаба полка, разрешить ему отобрать во взвод знакомых, тот согласился, и теперь у Вольхина два командира отделений были его старые товарищи, дважды бывшие с ним на сборах, сержанты Фролов и Вертьянов. Оба усахи, только один черный, другой белый, замечательные, проверенные ребята, на которых всегда можно было положиться. Кроме этих двоих, во взводе было еще пятеро из его взвода с осенних сборов. Вольхин тогда подумал, что лучше уж взять людей, которых он знает, чем каких дадут, если есть возможность выбирать.

Хотя все они были недавние штатские, почти одноклассники, он не боялся теперь панибратства, как перед первыми сборами. Тогда он, недавний студент, стеснялся командовать людьми, давно отслужившими в армии. На первых сборах он еще неуверенно подавал команды и боялся ошибиться, сейчас чувствовал себя перед строем вполне уверенно. Да и сама военная форма как-то быстро подтянула людей. Его бойцы из приписного состава отличались от кадровых только новым, не обмятым обмундированием, а пилотки на всех сидели даже изящно, «как пирожок», по любимому выражению их ротного.

О начавшейся войне во взводе, даже когда садились перекурить, не говорили. Вольхин понял, что эти мужики еще просто не осознают, что их ждет и какая она будет, эта война.

Когда их полк шел на вокзал на погрузку и на тротуарах стояли толпы людей, лейтенант Вольхин думал только о том, что надо хорошо пройти, показать себя не бывшими штатскими, а настоящими бойцами. Не было тогда в голове никаких других мыслей. Он шел, по-строевому печатая шаг впереди своего взвода, слыша только четкий топот сотен ног по асфальту. Лица людей по сторонам как-то слились в своей пестроте. На мосту через Оку, когда впереди вдруг грянул обжигающий сердце марш «Прощание славянки», Вольхину нестерпимо захотелось оглянуться на город. На ходу он повернулся, запоминая этот миг: зеленые откосы, как игрушечные домики, церковка, кремль на горе и серо-зеленая лента

словно выходящего оттуда полка. «В последний раз вижу», – мелькнула тогда мысль. И настроение сразу упало до обычного, оказалось, что и лица людей на улицах были вовсе не торжественные, какими ему их хотелось видеть.

На второй день после начала войны, когда к одному из его бойцов пришла попрощаться мать, Вольхин, увидев на ее лице слезы, сказал: «Ну, что вы, мамаша, через два месяца мы на Ла-Манше будем!» Тогда он не понимал, что сказал явную глупость. Германия – это не Япония или Финляндия, всю Европу подмяла под себя. «За два месяца, пожалуй, все же не справиться», – скоро понял Вольхин. Да и в сводках Информбюро уже на третий день зазвучали тревожные нотки. В голове началась явная путаница. Вольхин, впрочем, как и все, пока еще успокаивал себя тем, что Гитлер напал внезапно, вот Красная Армия мобилизует все свои силы и война пойдет по-другому, действительно на чужой территории, иного хода войны он и не допускал.

Вольхин своими глазами видел всю силу их полка, а ведь это один полк, сколько же их сейчас поднимается по всей Красной Армии! Он был полностью уверен и в своих бойцах, и в самом себе. Еще год назад, действительно, какой он был командир, а теперь – есть кое-какой и опыт, и навыки командирские, хотя и приобретенные не на войне или в училище, а на двух сборах, по месяцу каждый. Война представлялась ему как большие учения с боевой стрельбой, а то, что и противник тоже будет стрелять и наступать, еще не прихо-

дило в голову.

Вспомнились Вольхину и проводы их полка на фронт. Народу не было, не считая ребятишек, облепивших привокзальные заборы. «Чтоб без лишних слез, правильно», – заметил он тогда. Не было и оркестра, но все равно чувствовалась торжественность момента. Впервые тогда увидел Вольхин товарища Родионова, первого секретаря обкома партии. С командованием дивизии он медленно обошел строй полка, задумчиво вглядываясь в лица, словно стараясь их запомнить. Митинг был кратким, и это всем понравилось. Ни к чему сейчас было говорить много слов, и так всем все было ясно: война – вот главное. И воевать надо смело и добросовестно – это понятно было каждому. А хорошо он сказал, все же действительно один раз наш город, тогда Нижний Новгород, всю Россию спас. И о пролетарских традициях сормовичей сказано было сильно. Народ в полку подобрался надежный, рабочий, с трудовой закалкой и воспитанием от дедов и отцов.

Когда тронулся эшелон, все посмотрели друг на друга совсем другими, как-то сразу посерьезневшими глазами. Сначала смотрели из дверей вагона на город, потом, когда начались пустые поля, говорить расхотелось даже тем, кто перед посадкой в сумятице успел сбегать к киоскам на перроне, выпить по стакану красного вина, «на посошок». Когда поезд набрал скорость, всех дружно потянуло на курево. Вольхин достал из вещмешка «Как закалялась сталь», захваченную

из дома, соби́рался читать своим бойцам по дороге, но повертел ее в руках и положил в мешок. «Не тот момент, надо всем побыть с самим собой, проститься мысленно с домом».

Лейтенант Вольхин полистал свою записную книжку, с сомнением подумал, что вряд ли удастся исписать ее хотя бы наполовину, и написал всего одну строчку: «25 июня – отъезд на фронт».

Эшелон дернулся и стал медленно набирать ход. В проме двери поплыли вагоны соседнего состава, потом понеслись телефонные столбы, промелькнули опоры моста. Вольхин вспомнил, как вчера на какой-то станции напротив их эшелона остановились платформы, забитые ранеными. Было ужасно видеть и понимать, что раненых уже так много, что для их перевозки не хватает обычных санитарных, пассажирских вагонов или хотя бы теплушек. Кто-то из раненых, подняв перебинтованную, почти черную от грязи и засохшей крови руку, крикнул: «Вот как нас немец встретил!» Когда платформы с ранеными тронулись и стали набирать ход, из эшелона их полка, спешившего на фронт, прыгнул человек, Вольхин успел заметить, что это какой-то лейтенант-запасник. Когда этот лейтенант стал забираться на платформу, кто-то из эшелона выстрелил ему в спину из винтовки. «Неужели среди нас есть такие трусы и негодяи... – с ужасом подумал тогда Вольхин. – Хотел спрятаться среди раненых...»

– Командир, шесть часов скоро, – вывел Вольхина из раз-

думий дневальный. – Подъем объявлять?

– Конечно, не к теще же едем.

– Взвод! Подъем! Хватит спать!

– Ну, чего орешь, не в казарме, – не поднимая головы, пробурчал один из лежащих.

Но все уже зашевелились, закричали.

– Опять едем? Где хоть?

– Брянск проехали, – сказал Вольхин.

– Подъем... У нас на срочной в роте два азербайджанца были, – наматывая портянку, начал рассказывать красноармеец Морозов, по прозвищу Савва, за каких-то два дня ставший самым заметным во взводе за редкую общительность и веселый нрав. – Старшина закричит: «Подъем! Вставай!» А они спросонья: «Куда пойдем? А-а, в столовой...» Костя, оставь покурить, – бросил между делом Савва, заметив, как кто-то с утра пораньше задымил. – Курево надо экономить. Хотя, с другой стороны, кто знает, сколько нам еще доведется на этом свете дым пускать...

Начались обычные утренние солдатские разговоры, и Вольхин шагнул к двери вагона, провожая глазами поля с начинавшей слегка желтеть рожью, перелески, деревеньки вдалеке. «А природа такая же, как и у нас...»

Начальник штаба 771-го стрелкового полка капитан Шапошников так и не смог уснуть, пока их эшелон шел ночью от Москвы до Брянска. Нервное напряжение последних че-

тырех дней не спадало. Александр Васильевич приказывал себе спать, но сон не приходил. Снова в который раз за ночь в голову лезли одни и те же мысли: «Что еще не сделано для подготовки полка, как будем вступать в бой?»

Рядовой состав в полку подобрался хорошо подготовленный, из запаса пришли в основном молодые мужчины, еще не забывшие армейской дисциплины. Более восьмисот человек прибыло из Павловского района – металлисты, колхозники. Хотя это был все же далеко не тот полк, что летом сорокового года. Тогда на показательных учениях, которые проводил сам нарком обороны маршал Тимошенко, полк так себя показал, что командование округа приняло решение передать его личный состав на формирование одной из частей Московского гарнизона. Для формирования нового полка оставили лишь командира, замполита, начальника штаба да личный состав тыловых и специальных подразделений. Всеми правдами и неправдами Шапошникову удалось тогда часть лучших командиров и сержантов перевести в тыловые подразделения, временно, конечно. Когда началось переформирование полка, у него, по крайней мере, было на кого опереться, хотя бы не с пустого места начинать работать. А с пустого места формировать этот же полк ему за последние полтора года пришлось даже трижды. Сначала в Сормове, потом в Арзамасе, оттуда переехали в Чебоксары. Пробыли там недолго, но все равно весь командный состав полка был избран депутатами горсовета. Впрочем, всем им было тогда

не до исполнения наказов избирателей. И в Чебоксарах личный состав полка был обновлен полностью.

За зиму сорокового года полк снова был укомплектован до штата мирного времени и быстро вошел в ритм армейской жизни. Скоро в штабах пошли разговоры, что их дивизию переформируют в парашютно-десантную, парторг полка Алексей Наумов, обрадовавшись, первым прыгнул с парашютом, организовал прыжки сначала добровольцев на аэродроме под Богородском и успел, опять первым, получить знак парашютиста. Майские полевые учения 41-го показали, что полк способен выполнять и боевые задачи. «Хорошо, что в мае призвали часть переменного состава, поэтому и подготовка к отъезду, и погрузка прошли значительно быстрее и слаженнее, чем могло было быть», — думал Шапошников. Он вспомнил приказ командира дивизии, приехавшего в середине мая с совещания в Москве, чтобы во всех подразделениях продумали и подготовились к быстрой погрузке в эшелоны, чтобы каждый знал, что и где брать и куда и в какой эшелон грузить. Благодаря этому и погрузка прошла без излишней суеты. Приехавший с совещания комдив полковник Гришин тогда откровенно, но с удивлением сказал Шапошникову, что у него осталось ощущение: в Москве в штабах полным ходом готовятся к войне.

За эти четверо суток с начала войны спать ему почти не приходилось и домой удалось забежать всего один раз, перед самым отъездом. Наскоро простился с женой, Татьяной

Тихоновной, поцеловал дочку и – в штаб полка, а оттуда на вокзал. Шел вдоль строя перед погрузкой и радовался, что полк укомплектован строго по штату военного времени, много молодежи. По первому впечатлению, они почти не уступали бойцам срочной службы. Удалось получить новые орудия, пулеметы, отличные 120-миллиметровые минометы. Правда, без боекомплекта, обещали выдать на месте. Конечно, надежнее было бы везти все с собой.

Больше всего Шапошникова беспокоило то, что командиры батальонов не имеют достаточного опыта. Майор Московский, комбат-1, на должности всего несколько месяцев, до этого заведовал складами в округе. Да и по внешнему виду – не строевик. Второй комбат, капитан Леоненко, кадровый, носит орден Красной Звезды за бои на Карельском перешейке. С виду – настоящий пехотинец. Но молод, нет и тридцати лет. Да и на должности всего третий месяц. Как будет командовать батальоном в боевой обстановке – трудно сказать, это все же не рота. Комбат-3 – капитан Горбунов – наоборот, староват для командира батальона, да и здоровье у него неважное.

Все ротные – недавние командиры взводов, но кадровые. Из взводных лишь часть окончивших военные училища, большинство из запаса.

А вот в боевых качествах артиллеристов полка Шапошников не сомневался нисколько. Старшему лейтенанту Похлебаеву, командиру полковой батареи 76-миллиметровых

орудий, 28 лет, на должности три года, смело можно давать и дивизион. Командиру батареи «сорокапятков» лейтенанту Терещенко – 21 год, но уже понюхал порошу на Финской, был ранен. Из училища выпущен досрочно как отличник, на наркомовских учениях батарея показала себя очень хорошо. Оба за свои батареи болеют душой. Практические стрельбы всегда сдавали только на «отлично». Да и вообще, восемнадцать орудий и шесть минометов в полку – это неплохо. Да плюс двенадцать станковых и восемьдесят ручных пулеметов. Словом, воевать можно.

Спокоен был Шапошников и за работу штаба, который возглавлял. В штабе полка он работал второй год, до этого командовал последовательно взводом, ротой, батальоном. Штабное дело ему нравилось и было, пожалуй, больше по душе, чем строевая служба. Сыну балахнинского каменщика, ему удалось получить неплохое по тем временам образование. В начале двадцатых годов заведовал избой-читальней в Пурехе, там и полюбил книги. Потом была пехотная школа в Рязани и годы тяжелой, порой изнурительной службы. Пехотную науку постиг досконально и не одну пару сапог износил за это время на маршах. Как-то после учений, еще в 1939 году, он встретился в гарнизонной библиотеке с полковником Гришиным; разговорились, а через некоторое время Шапошников, к своему удивлению, с должности комбата был назначен начальником штаба полка. За зиму и весну 41-го удалось отладить работу всех служб штаба. Шапошников

рад был, что повезло ему и с помощниками. Лейтенанты Тюкаев, Василевский, Пронин, Денисенко, Меркулов, Степанцев – все оказались не только толковыми и грамотными командирами, но и хорошими людьми.

Начальник штаба 137-й стрелковой дивизии полковник Алексей Александрович Яманов, ехавший в этом же вагоне, тоже не спал и думал о своем. Их эшелон в пути вторые сутки, но где сейчас другие части дивизии – он не знал. На совещании перед отправкой было принято решение, что в первом эшелоне ехать и ему со штабом. Они уже прошли Брянск, какая-то часть дивизии, очевидно, проходит Москву, а хвост, должно быть, еще и не выехал – все же они должны были погрузиться в тридцать шесть эшелонов.

«Удастся ли сосредоточиться вовремя? – беспокоился Яманов. – Не растерять бы дивизию по дороге...» И впереди – неизвестность. На фронте дела явно не ладятся, что-либо узнать об обстановке подробно невозможно, только из сводок Информбюро. В Брянске он слышал по радио, что бои идут на двинском, минском и бобруйском направлениях, то есть они по железным дорогам ехали к фронту медленнее, чем наступали гитлеровцы.

Дивизия была отобилизована в кратчайшие сроки, областные власти действительно ничего не пожалели, но сейчас, в дороге, когда он не чувствовал под рукой всей дивизии, настроение все время тревожное. Командир дивизии

полковник Гришин должен был выехать с одним из арtpолков чуть позднее. «Все же правильно ли мы сделали, что так распределили обязанности?» – беспокоился Яманов.

За окном быстро проплывали перелески, мелькали телефонные столбы. «Надо зайти к Малинову», – решил Яманов.

Командир 771-го стрелкового полка полковник Иван Григорьевич Малинов ехал в одном купе со своим начальником штаба, замполитом и секретарем партбюро полка.

– Чай будем пить? – стараясь выглядеть повеселее, спросил Яманов, заходя в купе.

– Заходите, товарищ полковник, – пригласил Малинов.

Яманову сразу бросилось в глаза, как он похудел и осунулся за эти дни. «Быстро ты устал, однако. Надо побереечь себя, самое страшное еще впереди», – подумал он.

– Как настроение у бойцов? – спросил Яманов у замполита полка батальонного комиссара Васильчикова.

– Вчера днем еще песни пели. В целом – боевое, уныния нет. Хотя есть разговоры, что зря вчера трибунал дал тому бойцу десять лет всего лишь за отказ работать на кухне, лучше бы он воевал.

– Сводку вчерашнюю до всех довели? – перевел Яманов разговор на другую тему.

– Так точно. И газеты удалось получить. Правда, за двадцать четвертое число.

Замолит полка Петр Васильчиков даже внешне с первого взгляда вызывал симпатию. Молодой, крепкий, с уверен-

ным взглядом больших синих глаз, громким, комиссарским голосом. Такие люди в сложной обстановке иной раз одним своим видом способны навести порядок. Под стать ему был и секретарь партбюро полка старший политрук Наумов. Они были даже похожи. Разве что у Наумова больше было мягкости в глазах.

– Садитесь с нами, товарищ полковник, – предложил Васильчиков.

Разговор не клеился. За вчерашний день переговорено было, кажется, обо всем на свете. Служебных тем не касались, тем более что и говорить о них в дороге было бессмысленно.

– Значит, не удастся теперь в академию, комиссар? – спросил Яманов Васильчикова.

– Да, товарищ полковник. Что теперь об этом вспоминать? Фронтовую академию пройдем.

Сейчас Васильчиков свыкся с мыслью о невозможности учебы, но в первый момент было действительно обидно. Ночами не спал, готовясь к вступительным экзаменам, и сдал-то все на «отлично», был и приказ о зачислении. Утром 22 июня обсуждал с женой за чаем – ехать ли ей с детьми с ним в Москву, когда начнется учеба, как все это в один миг стало бессмысленным. Прибежал красноармеец из штаба и с порога: «Война!»

Первый эшелон 771-го полка от Рославля повернул на

Кричев и вечером 29 июня прибыл на станцию Орша. Часть путей оказалась разрушенной, в городе были видны пожары. Эшелон встал, не дойдя до здания вокзала нескольких сот метров.

Полковник Яманов, выйдя из вагона, быстро осмотрелся. Вдалеке на запад уходило несколько самолетов. «Только что отбомбились. И как это они нас раньше не заметили...» – с холодком на сердце подумал он.

– Иван Григорьевич, – позвал Яманов полковника Малинова. – Подготовьте эшелон к разгрузке. Отправьте кого-нибудь на станцию, лучше Шапошникова, за комендантом. Из вагонов пока никому не выходить.

У Яманова не выходил из головы вчерашний случай. На одной из остановок на перегоне Кричев – Орша к эшелону подошла группа командиров, в том числе какой-то полковник, и приказали старшему лейтенанту Похлебаеву как начальнику эшелона немедленно разгружаться и выдвигаться в указанную ими рощу неподалеку. Пока Похлебаев ходил за командиром полка, чтобы доложить ему об этом приказе, незнакомые командиры исчезли, видимо, заподозрив для себя опасность. Яманову было не по себе от мысли, что они могли бы выполнить приказ диверсантов и подставить полк в той роще под удар авиации.

Капитан Шапошников коменданта станции Орша нашел быстро, минут через десять. По одному его внешнему виду можно было судить о прифронтовой обстановке: стоптан-

ные пыльные сапоги, пропотевшая под мышками гимнастерка, давно не бритый, черное от загара и грязи лицо, воспаленные красные глаза. Чувствовалось, что коменданта задержали в эти дни до предела.

Шапошников представился, попросил указать место разгрузки его эшелону.

Комендант посмотрел на него с удивлением и досадой. Нервно вздрогнул, повернулся, ничего не ответив, и быстро зашагал к станции.

– Эшелон на насыпи! Как технику сгружать? – крикнул ему вслед Шапошников.

– А-а, разгружайтесь, как хотите! Видите, что у меня здесь творится?

Вслед за комендантом бросилась примолкшая было группа военных и штатских, все они вразнобой закричали: «У меня же срочный груз! Требую вне очереди!»

Шапошников вернулся к эшелону.

– Ну, что там? – спросил его полковник Малинов.

– Придется разгружаться прямо здесь. Платформа разбита, впереди скопище горящих вагонов. Пути, конечно, тоже разбиты. Ближе не подъехать, – вздохнул Шапошников.

– Давайте команду на разгрузку. Я – к Яманову.

Шапошников, встав у первого вагона, посмотрел вдоль эшелона и резко махнул рукой, давая тем самым наблюдателям знак на разгрузку. Через несколько минут вся насыпь вдоль состава была заполнена людьми. Артиллеристы скаты-

вали по доскам орудия, сводили упиравшихся и ржавших лошадей, из вагонов на повозки начали перегружать ящики со снарядами. Командиры строили своих бойцов.

– Ну, вот и приехали, – сам себе сказал лейтенант Вольхин. После долгой езды хотелось размяться, побегать.

– Смотри, как здесь бомбили, командир, – кивнул в сторону воронок под насыпью сержант Фролов. – А народу-то нас – как муравьев!

– Посмотри, не осталось ли чего в вагоне, – перебил его Вольхин. И через несколько мгновений: – Взвод! В две шеренги – становись! – подал он команду, дублируя ротного. – Оружие и снаряжение – к осмотру!

Полковник Яманов нашел Малинова у эшелона в группе его командиров и отозвал в сторону:

– Железнодорожники говорят, что дальше поезда не ходят, пути разбиты, а фронт в районе Минска. Я часть своих людей направил в город выяснить обстановку, часть – снова искать коменданта и добиться от него хоть каких-нибудь сведений. Сам сейчас еду в город искать местное начальство. Вам задача: быстро построить людей, все проверить и вывести за город, вот сюда, – Яманов расстегнул планшет. – Смотрите. Оборону займете вот здесь, – показал он на карте. – Да, семь километров западнее Орши. Сердюченко! – позвал он начальника оперативного отделения своего штаба. – Оставишь здесь Реутова, пусть встречает здесь эшелоны и всех направляет к Малинову, как договорились. Все по местам!

– Товарищ полковник, – обратился Васильчиков к Малинову. – У нас младший политрук Иванов – оршанец, может помочь сориентироваться в городе.

– Позовите его сюда.

Замполит батареи «сорокапятки» младший политрук Евгений Иванов в дороге много раз мысленно проигрывал варианты, прикидывая, где они могут вступить в бой, но даже когда они подъезжали к его родному городу, не мог и представить, что ему придется идти со своей батареей по соседней с родным домом улице. «Вот бы мать сейчас встретилась! – подумал он. – Интересно, что она сейчас делает? Неужели сердце не чувствует, что я рядом?» О том, чтобы сбегать сейчас домой, не могло быть и речи. Куда они идут и где потом искать батарею, он не знал, да и отпроситься сейчас домой, на марше – что бы подумали о нем на батарее?

В течение трех часов этого же дня, 29 июня, в Оршу прибыли остальные эшелоны полка Малинова и дивизионный разведывательный батальон майора Соломина. Помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии майор Реутов все эти части направлял в леса, за Днепр, как ему и было приказано.

Командир 137-й стрелковой дивизии полковник Иван Тихонович Гришин прибыл в Оршу только 3 июля, вместе с батальоном связи. В роще за Днепром копавшие стрелковые ячейки пехотинцы показали ему блиндаж полковника Яма-

нова.

– Наконец-то! Здравствуй, Алексей Александрович. Как обстановка? Что известно о противнике? Какие части у нас под рукой? – едва поздоровавшись, начал задавать вопросы полковник Гришин.

– Сложная обстановка, Иван Тихонович. – вздохнул Яманов. – Приехали мы вечером двадцать девятого, а до сих пор ничего толком не знаем. Начальства не найдем, сидим как на иголках: то ли вперед идти, то ли еще ждать. Полностью прибыли полк Малинова, один дивизион арtpолка Смолина. Разведбат я еще вечером двадцать девятого выслал в направлении Борисова, попал он будто бы под танки, вернулся за Днепр, с потерями. Двое суток связи с ним не имел, потом уж майор Зайцев приехал, нашел его. Послал снова к Березине, и пока никаких вестей.

– Так где сейчас фронт? Связь с соседями и начальством есть? – недовольно спросил полковник Гришин.

– Фронт на Березине. Впереди нас, у Борисова, стоит Пролетарская дивизия Крейзера, это точно. Какие еще там части – не знаю. Крейзер из Орши в Борисов ушел всего за несколько часов до нашего прибытия. Связи ни с кем не имею. Ищем уже который день хоть какого-нибудь хозяина! С ног сбились, да и эшелоны надо встречать. Оборону подготовили... – добавил Яманов, видя, каким сердитым стало лицо Гришина. – О противнике известно только то, что на нашем и могилевском направлениях действует танковая

группа Гудериана в составе трех корпусов. Номеров его дивизий не знаем.

– Канцедал приехал?

– Часа за три до тебя.

– Плохо, что связи с командованием нет. Вперед идти – никакого смысла, надо сначала дивизию собрать. Крейзер, говоришь? – переспросил Гришин, задумчиво щуря глаза. – Мы с ним в академии вместе учились. Друг мой старый. Отличная у него дивизия, даже танки есть. Вот что: найди мне срочно Канцедала, Зайцева и Румянцева.

– Где Зайцев, я не знаю, Румянцев уехал в Могилев, там должен быть штаб какого-то корпуса, а Канцедал здесь.

Днем 4 июля полковник Гришин и его замполит старший батальонный комиссар Канцедал, помотавшись по пыльным дорогам, нашли под Чаусами штаб 20-й армии генерала Курочкина. Гришин знал командующего еще с юности, по боям с бандами Антонова на Тамбовщине. Тогда Гришин служил взводным в полку, которым командовал Курочкин. Они не виделись много лет, и вряд ли Курочкин помнил всех своих взводных.

Полковник Гришин представился генералу. Прошли в полевую палатку. На складном столе лежала карта.

– Вот что, полковник. Пока штаб вашего корпуса не прибыл, подчиняю вас генералу Бакунину. Его шестьдесят первый корпус имеет задачу обеспечить оборону от Орши до

Могилева и южнее по восточному берегу Днепра.

– У меня еще не все части прибыли, товарищ генерал. И половины дивизии нет.

– У Бакунина примерно так же. Есть такие, у кого дела и хуже ваших. Собирайте дивизию как можно быстрее. Вот ваша полоса обороны... – генерал наклонился к карте.

– Многовато, товарищ командующий, – взглянув на полосу, уверенно возразил Гришин.

– Будет возможность – уплотним. Всё.

Полковник Гришин по внешнему виду генерала, интонациям его голоса пытался дополнить впечатления об обстановке, но командующий говорил по-военному четко, кратко, без каких-либо эмоций, очень спокойно.

Более чем на семьдесят километров от Орши до Могилева приходилось четыре советские дивизии. Людей в них было меньше половины положенного по штату. Десятки эшелонов этих дивизий еще тянулись по железной дороге, то и дело подвергаясь налетам гитлеровской авиации. Но на картах генерала Курочкина и штаба Западного фронта уже были обозначены номера этих четырех дивизий.

Эшелон с батальоном капитана Лебедева 624-го стрелкового полка майора Фроленкова под бомбежку попал на перегоне Рославль – Кричев. Было около 6 часов утра, бойцы еще спали в теплушках, как близкий грохот потряс состав и вагоны закрипели от резкого торможения. Люди, едва проснув-

шись, стали прыгать друг на друга, скатываясь по насыпи. Самолеты, сбросив бомбы, развернулись для второго захода. Дали несколько густых очередей по разбежавшимся по сторонам людям и улетели на запад.

Капитан ветеринарной службы ветврач полка Никтополион Набель, бурый от загара здоровяк с совершенно белыми, выгоревшими на солнце волосами, выскочил из вагона вместе со всеми и, пока самолеты стреляли, лежал, вжавшись в землю и ожидая скорой смерти. Когда самолеты улетели и он услышал голоса живых, Набель встал, отряхнулся и пошел в голову эшелона, где горело несколько вагонов. Рельсы от взрыва бомбы загнулись, как салазки, повсюду лежали и стонали люди, а один, убитый, по виду совсем мальчишка, висел головой вниз, и на лице его застыла гримаса ужаса.

Дикое ржанье раненых лошадей било по нервам, в вагоне, где они стояли, все было забрызгано кровью. Одну лошадь взрывом выбросило из вагона на насыпь. «Батюшки! У ней и передних ног нет! – с ужасом пронеслось в голове у Набеля. – Надо пристрелить беднягу». Гоняясь за басмачами в пустынях Туркестана, он не раз видел смерть, но за последние годы отвык от крови, поэтому кобура его пистолета растегнулась не так быстро, как раньше.

– Ну, стреляй, что смотришь! – услышал он сзади чей-то голос.

– Не могу, пистолет заело.

В глазах лошади застыло такое страдание, что Набель ни-

как не мог заставить себя выстрелить в нее. Наконец он все же нажал на курок и, не глядя под ноги, побежал прочь, с трудом сдерживая нервную дрожь.

Горели вагоны, но их никто не тушил. Все были так потрясены внезапной бомбежкой, что не знали, за что братья.

– Вагон со снарядами загорелся! – раздался чей-то крик.

Через несколько минут раздался страшный протяжный взрыв, и когда Набель оглянулся, то увидел вместо этого вагона огромную, густо дымящуюся воронку. Куски горящего дерева и металла разлетелись по сторонам, от них загорелось еще несколько вагонов, и Набель, уткнувшись лицом в землю и весь сжавшись, ждал взрывов еще несколько минут.

Наконец, наступила тишина, потом стали слышны голоса и команды, кое-где слышался нервный, неестественный смех. Набель встал и снова принялся отряхиваться. Рядом все еще лежал боец, закрыв лицо руками.

– Эй, парень, вставай. Или контузило?

Капитан Набель взял его за руку и вздрогнул: на лице была огромная кровавая яма.

Через час бойцы, так и не доехавшие до фронта, были похоронены, сгоревшие вагоны отцеплены и сброшены под насыпь, и эшелон снова медленно покатился к фронту. Двадцать человек батальон Лебедева похоронил в Калуге, когда там бомба попала в вагон. Казалось, это был такой глубокий тыл, что стыдно погибать... И вот еще братская могила, куда легли тридцать так и не выстреливших ни разу во врага

бойцов.

К вечеру эшелон остановился у какого-то полустанка.

– Почему стоим? – залезая на подножку паровоза, прокричал капитан Лебедев.

– Дальше не повезем. Фронт совсем близко, – ответил машинист.

– Сколько отсюда до Орши?

– Километров шестьдесят, не меньше, – ответил пожилой усатый машинист. – И топливо у нас кончилось, капитан.

– Ты мне не темни! Впереди нас сколько эшелонов прошло!

– Прошло-то прошло, да обратно никого. Слышите, где уже гремит? Нет, дальше не повезем. Ты понимаешь, что я могу тебя прямо под танки привезти? – взорвался машинист.

– Если их авиация впереди бомбит, то фронт еще далеко. Ты сводку слышал?

– Слышал. Немцы еще позавчера были у Борисова и Могилева, а сейчас – кто знает где. Ведь как прут-то!

К паровозу подошел лейтенант Корнилин, адъютант старший батальона, жилистый, небольшого роста парень с тонкими чертами лица.

Капитан Лебедев спрыгнул с подножки паровоза:

– Боятся дальше ехать, да и говорят, что топливо у них кончилось.

– Товарищ капитан, я на гражданке помощником машиниста работал, как раз на «Щуке», – сказал Корнильев. – Раз-

решите, я сам поведу. Так вернее будет. А топливо – долго ли шпал напилить, вон их, целые штабеля лежат.

«Конечно, надо помаленьку ехать, не топтать же еще с полсотни километров, – думал капитан Лебедев. – А если на танки напоремся? Нет, рискнуть стоит».

Пока бойцы пилили шпалы на топливо, лейтенант Корнилин осваивался в кабине машиниста. Помощник машиниста и кочегар незаметно ушли, но старый машинист в последний момент решил все же остаться.

– Корнилин! Лукьян, трогай, браток! – крикнул капитан Лебедев и побежал к первой теплушке.

Поздно вечером эшелон с батальоном был на станции Зубры. Оттуда хотели ехать и дальше, на Оршу, но комендант божился, что там уже немцы, и Лебедев решил разгрузиться.

– Ну, Корнилин, молодец ты! Теперь нам главное – найти своих из дивизии. Комендант говорит, что до нас тут был эшелон, он спрашивал, откуда – арзамасцы. Наши, значит. Командиров рот ко мне. Проследи, чтобы в вагонах ничего не оставили. Я буду на станции. Охранение из четвертой роты поставь.

– Алексей Александрович! Срочно! – выходя из резко затормозившей машины и отряхивая пилотку от пыли, позвал полковник Гришин своего начальника штаба Яманова. – Получен приказ командующего фронтом: сдать свои позиции

соседям и выводить дивизию в Сухари, это километров двадцать восточнее Могилева. Переходим в тринадцатую армию. Сегодня у нас какое число? Восьмое? – И после паузы Гришин глубоко вздохнул: – Убит командующий тринадцатой армией генерал Филатов. Заступил генерал Ремизов...

– Командующий армией убит? – недоверчиво переспросил Яманов, но тут же заговорил о деле: – Сдать позиции соседям, а самим в тыл? Ведь здесь и так фронт в нитку. Немцы к Орше подходят, здесь могут быть и завтра.

– Приказ. Там виднее.

– Какая хоть в целом обстановка на нашем направлении, что-нибудь удалось уточнить?

– В штабе армии и сами толком ничего не знают, – зло ответил Гришин. – Все только в общих чертах. Там нет и половины работников штаба, эти-то еле вырвались из-под Минска. Да еще командующий убит... Дали ориентировку, а сколько у Гудериана дивизий – узнавайте сами. Западнее Минска две наши армии в окружении. Вот такие, брат, дела... Кто у нас еще прибыл, пока меня не было?

– Да никого больше! Имеем пять батальонов пехоты и два дивизиона артиллерии, не считая полковой. Дороги бомбят, везде заторы. 409-й Корниенко и 624-й Фроленкова прибыли, но у обоих пока только по батальону. Растеряем дивизию, Иван Тихонович. Плохо дело. Штаб нашего корпуса тоже еще не прибыл?

– Нет еще. Да-а, дела... Голова в Орше, а хвост, наверное,

еще и Москву не прошел. Долго, долго собираемся? – Гришин устало потер лоб ладонями, встряхнулся: – Так! Готовь приказ на марш в Сухари.

Яманов достал карту, и они быстро набросали маршруты движения.

– Соседям дай знать немедленно, – сказал полковник Гришин. – У тебя еще есть связь с теми, кто в Зубрах? Пусть все наши части, которые будут прибывать туда, направляют в Сухари, и как можно скорей. Да, придется потопать: почти семьдесят километров до этих Сухарей. Пошли ко мне Кузьмина, я в машине буду, сутки ничего не ел.

Восьмой месяц командовал Иван Гришин 137-й стрелковой дивизией, и какая дивизия ему досталась! Счел за честь ее принять, когда предложили, хотя до этого занимал должность более высокую – начальника отдела боевой подготовки Московского военного округа. Сам ее готовил к прошлогодним наркомовским учениям, и подготовил, надо думать, неплохо: орден Красной Звезды получил, именнные золотые часы от наркома, а дивизия – сразу два переходящих Красных Знамени от округа и от Наркомата обороны.

«Дивизия сколоченная, вооружение, оснащение – как положено, люди замечательные, а в бой, наверное, придется вступать с ходу и по частям, – думал Иван Тихонович. – Эх, не так все представлялось... Разве могли предполагать, что столько потеряем еще по дороге. Хотя бы еще неделю сроку! Главное – кулак собрать. А тут опять переброска, и так все

запутано до предела. Еще и воевать не начали, а нервов уже натрепали. Ясно, что участок фронта, на который мы прибыли, – наиглавнейший. Для Гудериана – прямая дорога на Москву. Но до чего же быстро он продвигается...»

И Гришин вспомнил, что читал его нашумевшую в военных кругах книгу «Внимание! Танки!». В Польше отличился, от Бреста до Минска вообще за неделю прошел. «Сколько же все-таки у него сейчас танков? Удивительно, что пробивная сила его дивизий не снижается. Хотя на Березине топчется уже который день. Спасибо Крейзеру, сколько дней для нас выиграл... Не может быть, чтобы немцы не понесли за это время серьезных потерь... Скорей бы у себя порядок навести...» – думал полковник Гришин.

Уже несколько часов без привала шел пыльными дорогами от Орши на юг 771-й стрелковый полк Ивана Григорьевича Малинова. Колонны его батальонов и батарей растянулись на несколько километров.

– Когда у нас большой привал? – догнал своего начштаба полковник Малинов.

– В семнадцать часов, в Каменке, – ответил капитан Шапошников. – Но, товарищ полковник, может быть, сделаем позднее, и не в Каменке, а вот здесь, – он показал по карте. – А то немецкие самолеты уже несколько раз колонны облетали, но ни одной бомбы не сбросили. Такое чувство, что ждут, когда мы всем полком привал сделаем.

– Хорошо, распорядитесь по батальонам.

С удивлением смотрели издали бойцы и командиры полка Малинова, как самолеты с черными крестами разгружали бомболюки над Каменкой, откуда всего лишь за полчаса до этого полк был выведен в лес.

– Кого они там бомбят, товарищ капитан? – спросил лейтенант Тюкаев начштаба полка.

– Нас, должно быть, – ответил Шапошников. – Немцы, видишь ли, нация пунктуальная, еще в ту войну себя так показали. Приказ выполняют с методической точностью. – А про себя подумал: «Что-то здесь не то... Откуда бы немцам знать, что мы именно в это время должны быть в Каменке?»

Многокилометровый марш по жаре с полной выкладкой так утомил бойцов, что, когда прозвучал сигнал «Привал!», большинство сразу же сели или легли где попало, только сняв вещмешки, скатки и расстегнув ремни.

Лейтенанту Вольхину тоже очень хотелось снять сапоги, но он даже не присел, а пошел искать старшину роты, чтобы накормить людей. На опушке леса он встретил полевую кухню. И в ней, на удивление, что-то варилось, а вокруг толпились и постукивали котелками бойцы.

– Это когда ж ты успел? – спросил Вольхин черного, как чугунок, повара.

Он был узбек, но звали его по-русски – Миша. Имя его произносили мягко, с «я» на конце – Мишя, как он себя называл.

– В той деревне еще заправил. Конь идет, еда варится, только дров клади.

– А что варишь?

– Кашю, – ласково и мягко ответил Миша.

Вольхин весело усмехнулся и пошел к своим. Встретил его взрыв хохота. «Опять Савва развлекает...»

– Послушай, командир, какой сон нашему старшине приснился. Перед отъездом он все выдавал да выдавал обмундирование, сбрую всякую, и довыдавался – приснилось, что...

– Командиров взводов к командиру роты! – раздалась команда.

Все дружно хохотали.

– ...и одному взводу не хватило!

Вольхин так и не дослушал, что же такое приснилось их старшине.

– Взвод, котелки достать, обед будет, – сказал он и пошел к ротному.

К вечеру 11 июля полк Малинова после изнурительного семидесятикилометрового марша втянулся в село Сухари. Едва услышав команду «Привал!», бойцы валились на обочины. От хат уже спешили женщины с кринками, и в эти же минуты по селу понеслись крики: «Воздух! Воздух!» Группа самолетов на бреющем пронеслась над селом, стреляя из пулеметов. Визги женщин, команды, матерщина, стрельба слились в сплошной треск и гул. Машины, повозки, упряжки с орудиями рванулись в разные стороны, прячась за избами и

деревьями, а фонтанчики пыли от пуль взметнулись по всей улице.

Второй заход самолетов был встречен хоть и не дружным, но все-таки залпом винтовок и пулеметов. Третьего захода не было, большинство бойцов еще лежали, но кое-где уже слышался смех, неестественный, какой бывает после пережитого страха.

– Товарищ командир, один, кажется, подбили, к лесу потянул, – к Васильчикову подбежал лейтенант Христенко, командир зенитно-пулеметной роты. – Разрешите сбегать, хвост дымный был, и сел недалеко, километра два, не больше.

– Давай, Христенко, и тащи его сюда, если живой.

Заметив, что младший политрук Иванов о чем-то разговаривает с бойцами своей батареи, замполит полка Васильчиков направился к ним. Младший политрук Иванов, или, как называли его друзья-артиллеристы, Женя, недавний выпускник военного училища, нравился Васильчикову. Энергичный, разговорчивый, не как некоторые, что двух слов не свяжут. На батарее его уважали, и за дело.

– Ну что, ребята, пошерстил нас немец? – спросил, пододвигаясь, Васильчиков.

– Потерь на батарее нет, товарищ комиссар, все нормально, – ответил на одном выдохе младший политрук Иванов.

– Сержант Печенкин, расскажите, как действовали, – улыбнулся Васильчиков.

– Услышал команду «Воздух!», ну, соскочил с повозки – и в рожь. Сначала было, конечно, не по себе, особенно когда пулеметная очередь в нескольких метрах просвистела, но потом ничего, повернулся на спину и стрелял вместе со всеми. Кажется, даже лицо летчика видел. А в общем, ничего особенного, товарищ комиссар, – улыбнулся сержант.

– Ну, молодцы, ребята. Действовали правильно и без паники. Политрук, позаботьтесь, чтобы бойцы отдохнули. Лошадей и орудия замаскировать, но быть в готовности к маршу.

– А ночевать разве не здесь будем, товарищ комиссар? Опять топать? – послышался чей-то голос сзади.

– Пока задача была – прийти сюда, – уклончиво ответил Васильчиков. Он повернулся и зашагал по дороге к штабной машине.

– «Эмка» командира дивизии, товарищ полковник, – услышав шум мотора, выглянул из окна избы капитан Шапошников.

– Что тут у вас было? Опять бомбили? – устало спросил полковник Гришин, войдя в избу. – Дайте воды. – Сел на лавку у стола. – Все в сборе? – Поднял глаза на стоявших перед ним командиров, жадно выпил кружку воды. – Ставлю задачу. Все к карте. Противник форсировал Днепр. Да, уже, – сказал он, заметив удивленные взгляды окружающих. – Еще вчера утром, в районе Быхова. Положение там крайне сложное. Какими силами? Предположительно до ди-

визии. Сейчас накапливается на плацдарме. Нам приказано сбросить противника в Днепр... Людей накормили? Через... – Гришин посмотрел на часы, – час сорок подъем и – вперед. Смотрите маршрут полка, – отчеркнул карандашом по карте. – Двигаться в предбоевых порядках, батальонными колоннами. Артиллерии идти впереди, возможна встреча с танками. Итак, готовиться к маршу. Алексей Александрович, – повернулся Гришин к Яманову, которого он не видел с утра, и даже не удивился, что он тоже здесь, – выйдем покурить.

Встретился с удивленным взглядом Малинова, но ничего ему не сказал. Сели на чурбачки возле пленницы.

– Иван Тихонович, объясни, что за спешка идти на ночь глядя. – Яманов взмахнул папиросой. – Люди хоть и бодрятся, но устали, все же третьи сутки на ногах. Если бы завтра здесь день постоять, то дивизию, может быть, всю и собрали бы, а так – неужели по частям в бой вступать будем? И еще двадцать километров марша!

– Обстановка настолько тяжелая, что даже часы сейчас все решают, – нахмурился Гришин и жадно затянулся папиросой. – У Быхова одна наша дивизия, да и та растянута километров на пятьдесят. Да, переподчинили нас сорок пятому корпусу Магона, я тебе о нем рассказывал.

– А генерал Еремин где?

– По последним данным, подходит к Чаусам, но что там у него – неизвестно. Дивизия Скугарева выехала следом за

ним, но еще ни одного полка не прибыло. О Владимирской дивизии вообще сведений никаких. Есть еще одна дивизия, сто тридцать вторая Полтавская генерала Бирюзова, но она только начала выгрузку в Чаусах. На завтра назначен общий контрудар, привлекается в общей сложности пять дивизий, но сил в них и на одну не будет. И попробуй сейчас организуй этот контрудар, на таком пространстве и в такой спешке. Гудериан нас ждать не будет. Если за эти два-три дня его здесь не сбросим в Днепр, выйдет танками на Варшавское шоссе и – прямым ходом на Кричев. У нас в дивизии хоть какой-то кулак. Маршал Тимошенко на нас в основном и надеется.

– Да, кулак... Пять батальонов пехоты. А участок какой? На нем и всей дивизии было бы слишком просторно. И где точный рубеж развертывания?

– Ну, давай еще уставы вспоминать! – Гришин, зло кусая губы, затушил папиросу каблуком сапога. – Пойдем еще раз все прикинем по карте, и я к Смолину и Малыху, а ты за работу. Подумай, кого здесь оставить из штаба, пусть встречает остальных. Пехоту с артиллерией по общему маршруту, а тылы здесь попридержим.

Оба вошли в избу. Капитан Шапошников как раз ставил задачи командирам батальонов и батарей. Вдруг за окнами послышался громкий смех и крики, по-немецки, но женские.

– Что там такое? Похлебаев, посмотрите, – попросил Шапошников.

Через минуту в избу, едва сдерживаясь от смеха, вбежал

старший лейтенант Похлебаев:

– Летчика со сбитого самолета привели, вернее – летчицу!

– Вот это да... – Шапошников, едва сдерживая улыбку, посмотрел на полковника Гришина.

– Да такая нахалка – кусается, царапается, орет! Куда ее?

– А Потехин где? Сдайте ее ему, – распорядился Шапошников. Старший лейтенант госбезопасности Потехин был уполномоченным особого отдела в полку Малинова.

К полуночи 771-й стрелковый полк вышел из Сухарей, держа направление строго на юго-запад. На улицах села остались огромные копны из скаток и вещмешков – для скорости решено было все лишнее оставить на месте. Дорог был каждый час, поэтому пехота то и дело переходила на бег, ездовые не жалели вожжей, подгоняя свои упряжки с орудиями. Незаметно наступил рассвет, поднялось жаркое июльское солнце, а колонны полка без привалов проходили маленькие деревушки, стараясь миновать их быстрее и выйти на лесные дороги. Но с каждым часом темп марша падал, сказывались многосуточная усталость и бессонные ночи.

После полудня стал слышен гул боя, пока еще отдаленный и слабый. Несколько раз мимо колонн проезжала машина с командиром дивизии, словно торопя людей, но и к вечеру полк не вошел в соприкосновение с противником, хотя ушел от Сухарей больше чем на тридцать километров.

Полковник Гришин мысленно невольно радовался, что

дивизия все еще не вступила в бой. Нетрудно было бы представить, что это за бой – прямо с марша. Объезжая колонны батальонов своей дивизии, он видел, как устали люди. Пехотинцы шли с мокрыми от пота спинами, с разводами соли на гимнастерках. Но все же и приятно было видеть, что колонны не растянулись, а шли компактно.

Вечером Гришин в какой-то деревушке встретил машину с командующим армией, он и сказал, что удар их корпуса не получился. Уточнить у него обстановку в деталях не удалось, генерал Ремизов сообщил только, что в контрударе приняло участие всего пять батальонов разных дивизий. Немцы наращивают силы на плацдарме, гонят через мосты на Днепре технику и в ближайшие часы главными силами могут двинуться вперед. Их разведгруппы на мотоциклах замечены были у станции Чаусы.

А к вечеру полковник Гришин узнал, что передовые части противника находятся всего в пяти-шести километрах от колонн его дивизии и между ними никаких других наших войск нет.

– Товарищ капитан, из первой роты сообщили, что лейтенант Шажок прибыл, – подбежал к Шапошникову лейтенант Денисенко, начальник связи полка.

– Давай его сюда скорее. – Шапошников вышел из колонны, сел у березы, вытер платком лоб.

Несмотря на закалку пехотинца, Александр Васильевич

устал: на ногах несколько суток подряд, и, как нарочно, жара все эти дни стояла просто немилосердная.

Через несколько минут к Шапошникову на взмыленном коне подскочил лейтенант Шажок, командир взвода конной разведки. Он тяжело слез с коня, доложил о прибытии и пилоткой вытер мокрое от пота лицо.

– Ну и жара... Эх, хоть посидеть на травке...

– Люди у тебя где? – спросил его Шапошников.

– Там, на лужайке. Потерь нет. Плохо дело, товарищ капитан. Плацдарм немцы захватили уже километров двадцать по фронту, все деревни забиты техникой.

– Ты рассказывай, что сам видел.

– Наших там почти нет, кое-где держатся по роте, не больше. И сплошной линии обороны нет, промежутки очень большие. То, что я видел сам с ребятами, это одних танков не менее трехсот единиц, несколько отрядов по тридцать-пятьдесят единиц. Артиллерии у них, правда, мало...

– Ну, триста! Как ты их считал? Не спутал танки с бронемашинами?

– Может быть, где-то и спутал, но считали в основном танки. Много грузовиков, мотоциклистов – трещат на все окрестности.

– Покажи по карте.

Шажок всмотрелся в названия деревень и начертания лесных дорог.

– Здесь и вот здесь стояло примерно по тридцать танков, а

тут видели колонну в двадцать танков. Несколько раз спрашивали беженцев. Один дед сам видел переправу, говорит, что позавчера по ней за день прошло не менее полусотни танков. Проверить его сведения было невозможно, но и не поверить ему я не мог. В итоге, даже если мы что-то и подсчитали дважды, триста танков, как самое малое, есть. Товарищ капитан, не сегодня завтра они рванут. Мотоциклисты вообще по дорогам гоняют, как у себя в Германии, в одних трусах.

Подъехали полковник Малинов и старший лейтенант Меркулов, начальник артиллерии полка. Шапошников коротко доложил им все, что рассказал ему Шажок, показал по карте. Малинов выслушал молча, но на его лице появились растерянность и недоумение.

– Надо останавливать полк, капитан, – сказал он Шапошникову. – Разворачивайте батальоны в боевые порядки. Если противник действительно в Червоном Осовце, то надо готовиться к бою. Пошлите вперед разведку, пусть уточнят расположение сил противника. Установите связь с майором Фроленковым, он идет левее километрах в пяти. Сосед справа тоже должен быть на подходе, Полтавская дивизия.

– Товарищ полковник, может быть, батальон Горбунова во втором эшелоне пока оставим? – спросил Шапошников Малинова.

– Да-да, а батареи обе – в батальоны, вперед. Я поеду к Гришину, вернусь часа через два.

Через полчаса батальоны 771-го стрелкового полка были остановлены и люди начали готовиться к бою.

Разведгруппы вернулись поздно вечером, пленных взять не удалось, но наблюдением было установлено, что в полосе полка, в селах Пустой и Червоный Осовец, расположились на ночевку довольно крупные силы противника – до батальона мотопехоты с танками в каждом селе.

Часам к десяти вечера на командный пункт полка Малинова двое красноармейцев притащили катушки со связью. Быстро развернули аппарат, один из них подул в трубку и оглянулся, разыскивая глазами старшего по званию.

– Волга, Волга, я Сосна, как слышите? Прием. Есть! Товарищ капитан, просят командира.

– Начальник штаба семьсот семьдесят первого полка капитан Шапошников. Да. Полковник Малинов уехал в штаб дивизии... Сведения предварительно такие: на плацдарме в районе Сидоровичи, Перекладовичи, Усохи установлено скопление танков противника до трехсот единиц... Считаю разведгруппа лейтенанта Шажка, сведения сегодняшнего утра и дня.

– С кем ты? – спросил Шапошникова подошедший к связистам батальонный комиссар Васильчиков.

– Генерал Еремин, – прикрыл на секунду ладонью трубку Шапошников. – Полк занимает рубеж восемьсот метров восточнее Пустой Осовец и тысяча метров восточнее Червоный Осовец. Да, впереди точно противник, до двух бата-

льонов мотопехоты, есть танки... Не удалось установить точно... Есть. Понял.

Шапошников положил трубку, посмотрел в глаза Васильчикову, немного помедлил и сказал:

– Не верит, что у немцев на плацдарме триста танков. Не может, говорит, этого быть. «Ты знаешь, сколько один танк стоит?» – повторил Шапошников вопрос командира корпуса. – А может быть, Шажок действительно что-то там напутал, – задумчиво и с тревогой произнес он. – Ну, пусть не триста, а двести, и часть из них бронемашины, это же как минимум две дивизии, даже с учетом потерь, что они понесли от границы. Кроме того, у Могилева одна танковая дивизия. А это уже корпус.

– Может быть, снова позвать Шажка? – спросил Васильчиков.

– Не надо, пусть отдохнет парень. Двое суток в седле.

Шапошников в глубине души тоже не верил, что против их дивизии стоят, готовые к броску, триста танков, но и сведениям Шажка не верить не мог. За год, что он его знал, много раз приходилось убеждаться в его исключительной добросовестности. Это был труженик, смельчак, да к тому же и с головой. Шапошников удивлялся, как это он за один день смог столько сделать. Пусть и на конях, но накрутили за день не меньше восьми десятков километров. Нет, в добросовестности Шажка он не сомневался, другое дело, что некоторые группы танков в той сумятице мог посчитать дважды.

«Завтра все станет ясно, – подумал Шапошников, но тревога в душе осталась. – Скорей бы начиналось...»

Почти две недели прошло, как полк выгрузился в Орше, но все это время были только изнурительные марши, нерво-трепка, переходы казались бессмысленными, тем более что вдоль фронта.

– Тюкаев, позовите Степанцева, – оторвался Шапошников от карты.

В блиндаж, светя фонариком, вошла группа командиров.

– Уже устроились? Быстро. – Шапошников по голосу узнал полковника Гришина. – Куда бы сесть?

Шапошников показал на чурбачки:

– Садитесь, товарищ полковник, – как всегда, подчеркнуто спокойно и с достоинством сказал он.

В блиндаж вместе с Гришиным вошли Канцедаль и Малинов. Все управление полка было в сборе.

– Обстановка такая, товарищи... – едва разжимая свои тонкие губы, задумчиво протянул полковник Гришин.

Все стояли молча, с тревогой ожидая, что командир дивизии скажет сейчас что-то очень важное. После тягостной паузы Гришин встряхнулся и собранно, деловито продолжал:

– Слушайте боевой приказ. Атака в пять ноль-ноль. Ближайшая задача полка: взять Червоный и Пустой Осовец. Пойдем без артподготовки, «сорокапятки» – с пехотой. Батарею Похлебаева передать в распоряжение майора Фроленкова, в батальон Козлова. Их задача – они будут вашим ле-

вым соседом – держать дорогу на Давыдовичи. Кроме того, батальон должен выручить штаб сорок пятого корпуса Магона, сидят они там в роще, как в мешке. Так, что еще? – Гришин наморщил лоб, что-то вспоминая.

Шапошников, сидевший напротив, заметил, как осунулся их комдив за эти дни и под глазами появились тени.

– Как настроение у бойцов, Васильчиков? Да, с речью товарища Сталина от третьего июля ознакомили?

– Ознакомили, товарищ полковник. Настроение в полку боевое. Люди стали серьезнее за эти дни. За моральное состояние полка ручаюсь, – твердо сказал Васильчиков.

Он был уверен, что расстрелянные вчера перед строем четверо бойцов, к всеобщему стыду кадровых, призванных, правда, из Западной Украины, были последними трусами в полку. Эти самострельщики сами выкопали себе просторную могилу на четверых и молча и покорно встали спинами к строю. Трупы расстрелянных быстро закидали землей, могильного холмика делать не стали.

– Готовьтесь к бою. Как говорится, ни пуха... Завтра, впрочем, тринадцатое июля. Все свободны. Шапошников, на два слова.

Они вышли из блиндажа.

– Ты сегодня с Ереминым говорил... – Гришин тронул Шапошникова за рукав. – Впредь остерегайся докладывать такое. А то могут не только в преувеличении сил противника обвинить, но и в паникерстве. А это сам знаешь чем грозит,

пусть и на фронте. Понял меня? А так – надеюсь на тебя, учти. Связь всю проверил?

– Все на месте, товарищ полковник.

– За тобой Малых дивизион поставил. Свяжись с ним, договорись о взаимодействии против танков. Петр Никифорович, – позвал Гришин подошедшего Канцедала, – я к Малыху, а ты давай к Смолину. Дорогу не забыл? И завтра будь там.

Фигуры Гришина и Канцедала исчезли в темноте.

Сгущалась июльская ночь, короткая, но темная...

– Товарищ капитан, – услышал Шапошников тихий голос сзади.

– Степанцев? Где сейчас ваши люди? Давайте их всех сюда поближе к штабу, и без моего приказа никуда, и сам чтобы под рукой был. И смотри за хозяйством Татаринова.

Лейтенант Александр Степанцев был командиром химического взвода полка. Немолодой, семейный, небольшого роста, но крепкий, очень подвижный. В полк он был призван в мае, но и за столь недолгое время успел показать себя как хороший организатор. До этого Степанцеву довелось повоевать на финском фронте, участвовал он и в походе в Западную Белоруссию – словом, человек был с опытом, к тому же серьезный и грамотный. На гражданке был на комсомольской и хозяйственной работе, инструктором райкома партии. Взвод свой сумел сколотить и подготовить на редкость быстро. И взвод силы был немалой: пятьдесят человек. Перед са-

мой войной Степанцев был назначен и начхимом полка, благо должность была свободной.

«В случае чего, будет на кого опереться в трудную минуту», — думал о нем Шапошников. Многолетний армейский опыт научил Шапошникова, что лучшей опорой всегда будут те, кого знаешь лично, а не только по службе. Со Степанцевым они были к тому же земляки, а одно это значило много. Как сложится завтрашний день, можно было только гадать, но из головы у него не выходили эти триста танков, о которых доложил ему Шажок.

Когда Шапошников вернулся в блиндаж, полковник Малинов работал над картой, Васильчиков и Наумов о чем-то тихо переговаривались.

— Дай-ка Леоненко, — тронул Шапошников за плечо связиста.

Боец покрутил ручку аппарата, подал трубку.

— Как там у тебя? — спросил Шапошников.

— Тихо. И ни черта не видно, — ответил Леоненко. — Выслал взвод в направлении села, в охранение. Немцев не слышно. С час назад, правда, слышался шум мотора, но не разобрать было — танк или машина.

— Дозоры проверь и поспи часок.

В батальонах Московского и Горбунова тоже было тихо. Уже кончая разговор с Горбуновым, Шапошников вдруг услышал, как в связь вступил кто-то посторонний.

«Немец! — ожгла мысль. — Что он говорит?»

– Савин, Чайко, – выйдя из блиндажа, негромко окликнул Шапошников бойцов комендантского взвода. – Быстро по линии к Горбунову. И тихо: диверсант на ней сидит. Взять живым.

Минут через десять красноармейцы привели к Шапошникову рослого парня в новом штатском костюме. На шум из блиндажа вышел Васильчиков:

– Что случилось, Александр Васильевич?

– Каков нахал, а? Корову, говорит, ищет! Совсем нас за дураков принимают. Пристроился к связи и – что бы ты думал? – предложил мне сто марок, если я ему сдамся. Я, говорит, проведу через линию фронта, ему за меня дадут премию, и он со мной поделится! Ну-ка, Савин, води его к Потехину, – приказал Шапошников.

Через пару минут невдалеке сухо щелкнул выстрел из карабина. А скоро вернулся и Савин.

– Побегал он, товарищ начальник, – простодушно объяснил конвойный.

Лейтенант Вольхин и его бойцы, заняв указанный их ротным рубежом для атаки и приготовившись к ней, хотя до начала ее было еще больше четырех часов и имелась возможность поспать, так и не заснули. За последние сутки они прошли с полком больше ста километров, и все это время у них была одна простая солдатская мечта: свалиться бы куда-нибудь под куст и поспать часиков десять. Но вот теперь, когда та-

кая возможность хоть и не на десять, а на два-три часа вдруг представилась, спать никому не хотелось.

Вольхин, положив своих людей у белевших в ночи березок, первым делом все же прошел вперед шагов сто, через лесок. С опушки его, через неровное поле, и предстояло им идти в бой. Как ни всматривался Вольхин в темноту, очертаний деревни, которую предстояло атаковать, увидеть не удалось: мешал бугор. На фоне неба километрах в двух лишь темной полоской выделялся лес. Было так тихо, что давило на уши, и Вольхин, постояв немного, безуспешно пытаясь уловить впереди хоть какие-то звуки, вернулся к взводу.

– Садись к нам, командир, – услышал он голос сержанта Фролова. – Что там видно?

– Видно поле. Немцев не слышно, и что-то не верится, что они близко.

Вольхин снял сапоги, размотал портянки и с наслаждением пошевелил пальцами. «Надо бы выставить дозор на опушку», – подумал он, но с командой медлил. Как сел, так сразу навалилась усталость, захотелось откинуться на спину и лежать, лежать, рассматривая звезды.

– Зеленцов! Борисов! В дозор, сто метров вперед – опушка. И смотреть в оба. Через час сменим, – приказал, наконец, Вольхин.

– Да, все равно не заснуть, – вставая, сказал Зеленцов, маленький, неприметный паренек. – Пошли, Сашка.

Обулись, взяли винтовки и скоро скрылись за деревьями.

– Поспи, командир, – повернулся к Вольхину сержант Вертьянов. – Я не могу что-то. В случае чего подниму.

Вольхин с наслаждением откинулся на траву. Земля была теплая, не остывшая за ночь. Сон не шел, напряжение в голове не спадало, и Вольхин стал смотреть на своих бойцов. Один, длинный и нескладный, Анисимов, вытирал травой котелок, причем делал это так тщательно, как будто сейчас должны были проверять его чистоту. Другой, всегда молчаливый и незаметный, Урюпин, перетягивал ремень у винтовки, хотя никакой нужды в этом не было. Третий, в темноте Вольхин его не узнал, протирали тряпочкой сапоги. «Зачем? – усмехнулся Валентин. – Не на парад же утром». И все сейчас занимались подобными же пустяками. Кто-то строгал ветку, другой протирали винтовку, третий разглаживал портянки. Только Савва, кажется, спал.

«Что-то его сегодня и не слышно было, – подумал Вольхин. – Все же хорошо, когда во взводе есть свой весельчак. Как это он все любит говорить: «Или я не парень, или Волга не река...»

Почти две недели, как они прибыли на фронт, и за это время Вольхин успел привязаться к своему взводу всей душой. «А ведь кого-то из них могут завтра и убить, – пришла вдруг в голову мысль. – А если меня?»

До сих пор Вольхин о смерти не думал. Наверное, потому, что все эти дни они только совершали марши, боя еще не видели. В глубине души Валентин не верил и не мог предста-

вить, что кому-то из них или даже всем придется погибнуть, хотя и понимал, что на войне убивают каждый день. Стало как-то неприятно, что стучит сердце и непроизвольно вздыхается. Много раз представлял себе Вольхин будущий бой, и все казалось, что морально он к нему готов, но сейчас такого состояния от себя все же не ожидал.

«Уж скорей бы, что ли. Хуже нет – вот так сидеть и ждать... Ничего, скоро все встанет на свои места», – успокаивал он сам себя, отгоняя мысли. Закрыв глаза, но боль в висках не проходила.

– Курить будешь, командир?

– Давай, – и жадно затянулся, пуская дым по земле.

– Вроде бы ротный идет.

– Спите? Где командир взвода? Кто курит?

– Здесь я, – сразу же встал Вольхин.

– Пойдем посмотрим на поле, светает уже.

Вольхин быстро накрутил портянки, обулся и встал, сбрасывая дремоту и оцепенение.

– Что за стрельба? Началось? – Полковник Гришин быстро оторвал голову от устало положенных на столе рук, взглянул на часы: «Три десять».

В сознание вошел удаляющийся гул самолетов на большой высоте. Гришин хлопнул ладонью по кобуре, надел пилотку и выскочил из блиндажа.

Несколько парашютистов медленно спускались метрах в

пятистах от него. По ним, пока еще в воздухе, беспорядочно стреляли бойцы батальона связи и гаубичного артполка.

– Я сбегая, товарищ полковник, – подошел к Гришину капитан Лукьянюк, командир батальона связи.

– Не надо. Лучше пошли кого-нибудь. Сколько их... С десятков, вряд ли больше. В воздухе перебыют. Пошли Баранова с его собаками.

Минут через двадцать с места высадки парашютистов прибежал лейтенант Баранов:

– Товарищ полковник, перебили всех, одного только взяли. А так – постреляли быстро. Один на березе висит. Человек пятнадцать их было, садились кучно. У нас троих убило, наповал. Пленного сейчас притащат. Сбежались все на него посмотреть, как на медведя. Рожа наглая, ростом здоровый, а по виду русский. Переводчик тут оказался, спрашивает по-немецки – молчит. Подумали, может быть, он финн, хотели уж бежать искать, кто финский знает, а он вдруг по-русски: «Сволочи!» – на нас! – и: «Гитлер победит!» Кто-то из ребят как врежет ему прикладом по башке...

Гришин слушал Баранова и думал: «Знают ли немцы, что наша дивизия через час пойдет в наступление и что она вообще здесь? Зачем сбросили парашютистов, да еще в боевые порядки? Или промахнулись?»

Подъехала машина начальника артиллерии дивизии полковника Кузьмина. Вид у него был удрученный и растерянный.

– Иван Тихонович, командующий армией ранен. Ехал из корпуса следом за нами, и надо же – мотоциклисты. Нас не тронули, а по его машине стеганули. Первую помощь оказали, но без сознания...

– А охрана что смотрела? – с укором спросил Гришин.

– Что охрана... Стреляли из засады, на мотоциклы – и назад. Догнали, конечно, но...

– Этого нам только не хватало: двоих командующих армией за неделю потеряли...

Гришину стало ясно, что с таким трудом подготовленный контрудар может опять сорваться. Без надежной координации провести его будет крайне трудно, а новому командующему еще придется входить в курс дела, когда пора уже действовать.

– Сосед справа, полтавчане, на подходе, – сказал Кузьмин. – Там тоже негусто: всего три батальона пехоты и две батареи. Их еще в Чаусах мотоциклисты атаковали, прямо на выгрузке из эшелонов. Шныряют по всем дорогам, подлецы.

Полковник Гришин посмотрел на часы: «Скоро начинать!» И опять подумал, что начинать надо было на два часа раньше, хотя и понимал, что без соседей может залезть в мешок, да и ударного кулака не получится. «Подошли бы в ходе боя соседи, не зря ли теряем время», – думал он, разыскивая в кармане спички.

Последние сутки, и особенно эти последние часы перед боем, казались ему бесконечными.

Смерть на войне обычна и сурова...

Старший лейтенант Цабут, то и дело поглядывая на часы и изготовившихся к атаке стрелков своей роты, мысленно подгонял минутную стрелку, стараясь не думать больше ни о чем.

Наконец, ровно в пять, он взмахнул рукой и громко крикнул:

– Рота-а! В атаку – вперед!

И тут же из травы с опушки леса поднялись десятки фигур и шагом пошли вперед, постепенно выравниваясь в линию и набирая уставную дистанцию.

Лейтенант Вольхин, поглядывая, чтобы взвод двигался точно в назначенном направлении и не отставал от соседей, шел чуть сзади. Бойцы шли быстро, винтовки с примкнутыми штыками держали наперевес. С пригорка ему открылась картина атаки всего их батальона, и он невольно подумал: «Будто на маневрах!»

Из леса, примерно в ста метрах сзади, дружно выкатились «сорокапятки» батареи Терещенко – все шесть, и это придало уверенности.

– Бегом! Бегом! – услышал Вольхин сзади голос ротного.

– Взвод! Бегом! Не отставать! – крикнул Вольхин своим.

Метров триста роты прошли на одном дыхании.

«Почему не стреляют? – беспокоился Вольхин. – Неужели в деревне немцев нет?» И вглядывался в дома, силясь разглядеть между ними человеческие фигуры.

Почему-то появилось желание упасть и осмотреться.

И вдруг, как-то неожиданно резко в утренней тишине, сначала короткими, пристрелочными, потом длинными, с церкви, что белела среди деревьев, ударил пулемет, и почти одновременно Вольхин услышал сухой треск явно автоматных очередей, сразу из нескольких точек. Атакующие частью залегли, частью еще бежали, беспорядочно, но все чаще стреляя из винтовок.

Вольхин упал, но, вскинув голову, стал быстро оглядывать поле, с удивлением понимая, что он не видит своих бойцов. Но нет, вот впереди, и справа, и слева, только приглядеться – наши.

– Вперед! Вперед! – голос ротного сзади. – Не лежать! Бегом! Бегом!

И Вольхин, пересохшим вдруг голосом, тоже закричал:

– Взвод! Вперед! – И видя, как пригибаются, но все же бегут его бойцы, тоже поднялся и побежал.

Над головой с тихим, но жутким шелестом пролетел снаряд, справа и слева раздались гулкие оружейные выстрелы – это «сорокапятчики» били с коротких остановок.

Впереди с коротким резким свистом ударила в землю пулеметная очередь, и Вольхин упал. Залегли, увидел он краем

глаза, и его бойцы. Еще несколько очередей простучало по земле совсем рядом.

– Взвод! – привстал Вольхин на корточки. – Перебежками, справа, слева по одному – вперед!

Цепочка бойцов, падая через каждые пять-семь метров и откатываясь от места падения, продвинулась еще метров на сто.

Несколько человек правее Вольхина из соседнего взвода уже лежали далеко позади и не двигались. Двое по-рачьи пятились назад. Вольхин что-то крикнул им, поднялся и зигзагами пробежал вперед еще метров пятьдесят.

Первые дома деревни были совсем близко, но цепь роты расстроилась. Один взвод отстал метров на сто, люди лежали, взвод Вольхина вырвался вперед, а правифлангового за возвышенностью вообще не было видно.

Лейтенант Вольхин видел, что из его взвода далеко позади остались двое, но другие, кто перебежками, кто ползком, все же продвигались вперед.

По ним из-за плетня часто и густо стреляли три автоматчика. Вольхин прополз в цепь, лег рядом с сержантом Фроловым:

– Николай! Видишь его, гада?

– Вижу, командир, да никак не снимем, – ответил Фролов, вдавливая обойму в магазин.

Двое немцев поднялись из-за плетня и, пятясь, прижимая к животу автоматы, стреляли, казалось, прямо по глазам. Вот

один из них дернулся, согнулся, роняя автомат, и неловко упал боком. Другой повернулся спиной, но тоже упал, не добежав до хаты несколько метров.

Еще бросок вперед, Вольхин увидел, что с ним справа и слева бегут человек десять.

— Командир, держи первый трофей! — подал Фролов Вольхину немецкий автомат. — Хотя нет, бери лучше мою винтовку.

Вольхин засунул пистолет в кобуру, взял винтовку, перевернул затвор.

— Давай вдоль стенки! — махнул он рукой кому-то из своих бойцов.

Проползая между грядками с луком к дому, Вольхин озибался по сторонам, вслушиваясь в треск выстрелов справа и слева. Длинными очередями бил пулемет, сзади совсем близко бухала пушка. В висках стучало, пот заливал лицо, хотя он то и дело вытирал его рукавом.

«А-а-а!» — услышал Вольхин и сразу увидел, как дернулся всем телом, взмахивая руками в стороны, его боец Урюпин, бежавший вдоль стенки дома. Немец, выскочивший из-за угла, дал по нему очередь, но и сам рухнул от пуль, выпущенных из трех-четырех винтовок.

Лейтенант Вольхин выскочил за угол на улицу и почти нос к носу столкнулся с немцем. Тот отпрянул, поднимая автомат, но Вольхин выстрелил, не целясь, и в прыжке ударил его штыком в живот. Ощувив, как штык входит в мягкое, он

быстро выдернул его, а немец, открыв рот и округлив глаза от боли, сел, потом повалился на бок, подбирая ноги к животу. Вольхину стало не по себе и так противно, что его даже передернуло.

Кто-то потащил его за руку назад к дому.

– Не видишь?

Справа из-за соседнего дома выполз, густо давая газ, темно-зеленый бронетранспортер. Он развернулся на месте, встал и дал длинную и ровную очередь вдоль улицы, поднимая фонтанчики пыли. Потом деловито развернулся и начал бить густыми очередями куда-то вправо.

Вольхин, его сержанты Фролов и Мухин и еще несколько бойцов залегли за плетнем у дома. Немец, которого Вольхин ударил штыком, лежал впереди на дороге, все еще медленно перебирая ногами. Другой, убитый раньше, валялся сзади, лицом в небо. Вольхин поймал себя на мысли, что смотрит и старается запомнить этого немца: длинное лицо, тонкий нос, впалые щеки, рот в оскале, из-под расстегнутого на груди ворота торчат рыжие волосы. Сапоги короткие, в пыли, каблуки почти новые. «Так вот вы какие, фашисты...»

– Умер наш Урюпин, – услышал Вольхин. – Кончился...

Возле убитого на корточках сидели двое, Борисов и Новиков. Вольхин поднялся, подошел к ним.

– Еще жил немного... Смотри, прямо в грудь попал, – с болью произнес Борисов.

Вольхин посмотрел на Урюпина и, если бы не пятна бурой

крови на груди, ни за что бы не поверил, что он мертв. Лицо его не было искажено болью, а волосы еще тихо шевелились от ветерка.

— Дышал минут пять, солнце глазами искал. Видно, понимал, что умирает, — добавил Борисов.

— А там кого у нас убило? — спросил Вольхин, с трудом сглатывая густую слюну.

— Одного знаю — Миляев. Ну, толстый такой. Я к нему подбежал — вся голова в крови, наповал. Ни одного выстрела не успел сделать парень. Второго не видел, не знаю, кто упал.

Батальон капитана Леоненко, куда входила и рота старшего лейтенанта Цабута, после полуторачасового боя зацепился за окраину села, правее вел бой за крайние дома и кладбище батальон майора Московского. Первый натиск атакующих рот был дружным и напористым, и противник, застигнутый врасплох, сумел закрепиться только на середине села, вытянутого полумесяцем больше чем на километр. Засевшие в домах и на огородах гитлеровцы при поддержке нескольких бронетранспортеров вели яростный огонь, одновременно наводя у себя порядок и готовясь к контратаке.

Лейтенант Вольхин, отдышавшись после первых минут боя, обошел, где согнувшись, где ползком, участок своего взвода, а было это три избы с огородами, и решил броском перейти на ту сторону улицы, откуда постреливали немецкие автоматчики.

Слева, на участке соседней роты, видно было, как из про-

улка выполз танк, остановился и несколько раз выстрелил по домам напротив.

Видел Вольхин, как наискосок к танку, почему-то на локтях, пополз красноармеец, как он, чуть приподнявшись, бросил бутылку в танк метров с пятнадцати, как мгновенно взлетел факел огня и столб дыма, но из танка почти одновременно ударила струя огня, и боец вспыхнул, покатился по дороге, пытаясь сбить огонь. Танк еще дернулся, но из него уже густо валил дым, и столб огня опалил листья стоявшего рядом огромного дуба.

Через улицу побежали наши бойцы, стреляя на ходу, и Вольхин подал команду «Вперед!» и своему взводу. Несколько немцев, отстреливаясь с колен и на ходу, побежали в кустарник за домами, все бросились было за ними, но оттуда ударили густые и точные автоматные очереди, и Вольхин крикнул своим: «Ложись!»

Стрельба, то затихая, то снова вспыхивая, шла по всему селу. Где-то правее слышались орудийные выстрелы.

Батальон капитана Козлова из 624-стрелкового полка майора Фроленкова с приданной батареей Похлебаева в начале атаки прошел с полкилометра, не встречая немцев, и только когда в деревне, что стояла правее, начал стихать наиболее яростный огонь первых минут боя, по развернутому в линию батальону стали вести огонь несколько групп автоматчиков.

Политрук первой роты Андрей Александров с винтовкой наперевес бежал вместе с ротой вперед, стреляя на ходу и все более чувствуя, как приходит азарт боя и сердце охватывает что-то до сих пор неведомое. Немцы бежали, почти не стреляя, несколько человек из них упали, и через одного Андрей перепрыгнул на бегу, но, достигнув кустарника, гитлеровцы залегли и начали густо поливать атакующих автоматным огнем. Одновременно заработали три их пулемета, и рота залегла.

Перебежками Андрей подбежал к одному командиру взвода, второму: «Давай поднимать людей! Бросок остался!»

Оглянувшись по сторонам, Александров убедился, что рота готова подняться в атаку. Он встал во весь рост и со словами «За Родину! За Сталина!» бросился навстречу свистевшим над головой пулям. Тело само сжималось в комок, но ноги несли вперед, а руки автоматически передергивали затвор винтовки.

В расположении гитлеровцев разорвалось несколько снарядов, и пулеметный огонь на время стих. Где-то позади немцев горела машина, поднимались черные разрывы снарядов.

«Хорошо прошли!» – стучало в голове Александрова. Сердце колотилось, ноги подкашивались, лицо горело, и Андрей, пробежав еще метров двадцать и видя, что его обгоняют бойцы, перешел на шаг и, наконец, в изнеможении опустился на траву.

Выбив небольшие группы немцев из кустарника, батальон капитана Евгения Козлова вышел к ржаному полю, и все три его роты почти одновременно залегли. Справа в деревне шел бой, слева на несколько километров простиралось ровное поле, впереди, до лесочка примерно метрах в восьмистах, – тоже поле спелой желтой ржи.

– Пойдем посмотрим, что дальше делать, – позвал капитан Козлов командира приданной батареи старшего лейтенанта Похлебаева.

Его батарея была чуть сзади боевых порядков батальона, действовала четко, а молодой, высокий и симпатичный ее командир сразу понравился Козлову.

Когда они вышли к окраине поля, спереди, из ржи, бойцы замахали руками, давая знак залечь. Похлебаев опустился на колено:

– Пригнитесь, товарищ капитан. Наверное, автоматчики во ржи засели.

Похлебаев посмотрел в бинокль. Хорошо было видно деревню за полем, Давыдовичи. Из лесочка, что рос впереди, раздавались редкие выстрелы.

– Товарищ капитан, не иначе там и находится штаб Магона.

Над головой просвистели пули. Похлебаев почувствовал, как что-то больно чиркнуло по боку, и упал, зажимая рану ладонью.

«Вот досада, – подумал Георгий. – Хорошо еще, что на

излете». Сильной боли он не чувствовал, но ладонь была в крови. Капитан Козлов лежал лицом вверх, на его груди расплывалось темное пятно. «Ну вот, минуточку назад разговаривали...»

Похлебаев вернулся на командный пункт батальона, приказал бойцам вынести тело убитого комбата. Потом собрал ротных. Оказалось, что все они – молодые лейтенанты, и тогда Похлебаев без колебаний объявил, что командование батальоном временно берет на себя. Он поставил лейтенантам задачи и пошел в первую роту.

Через час, ползком по ржаному полю, лишь изредка осторожно поднимая голову, чтобы осмотреться, Похлебаев вывел роту к лесочку, где, как он считал, и располагался штаб командира корпуса Магона. Похлебаев поднял людей, они смелой атакой отбросили несколько небольших групп немецких автоматчиков дальше в рожь. Увидев в рощице наскоро вырытый блиндаж, Похлебаев побежал туда. Здесь уже стояли несколько командиров.

– Ну, молодец, старший лейтенант! – небольшого роста полковник крепко обнял Похлебаева. – Молодец, выручил. А то мы тут вторые сутки сидим. Обложили, как медведей, а побежишь по полю – стреляют, как зайцев. Спасибо, сынок. Как тебя звать?

– Командир батареи старший лейтенант Георгий Похлебаев!

– Ну, желаю тебе скорее полковником стать.

Когда группа освобожденных из блокады командиров пошла по указанному им маршруту в тыл, Похлебаев спросил сопровождавшего их лейтенанта, кто с ним разговаривал.

– Полковник Ивашечкин, начальник штаба корпуса, – ответил лейтенант.

Штаб Магона из опасной зоны был выведен, Похлебаев доложил об этом командиру 624-го стрелкового полка майору Фроленкову. Рассказал и о гибели капитана Козлова.

– Жаль, – услышал Георгий сразу упавший голос Фроленкова. – Отличный был командир. На таких, как он, наша армия и держится. Не успел повоевать... Похоронили?

– Станет потише – похороним... – И у Похлебаева всплыло в памяти лицо капитана Козлова. Он знал его всего несколько часов, но уже успел почувствовать в этом человеке и характер, и хватку, и знания. – Товарищ майор, кому сдать командование батальоном?

– Командир второй роты живой? Вот ему и сдай.

Васильчиков и Наумов, с самого начала атаки находившиеся в боевых порядках батальона Леоненко и видевшие весь бой своими глазами, скоро убедились, что все их люди атакуют смело и, главное, умело, но были все же удивлены мужеством того бойца, который поджег танк. Когда бой откатился дальше по улице Червоного Осовца, они подошли к этому танку. Люк его был открыт, и изнутри густо несло жареным. Погибший боец лежал посреди дороги, неловко рас-

кинув руки. Наумов снял каску, подошел к нему поближе.

– Вот это герой. Не помнишь фамилии? – спросил Наумов у Васильчикова.

Лицо бойца было сильно обожжено, и опознать его было трудно, а документы в нагрудном кармане сгорели. Погиб боец от выпущенной из огнеметного танка струи.

– Товарищ комиссар, вас майор Московский срочно зовет, – подбежал к Васильчикову красноармеец.

Командир 1-го батальона майор Московский, несмотря на войну, все еще краснощекий и полный, сидел на чердаке одного из домов и смотрел на раскинувшееся впереди поле.

– Ну-ка, глянь, – передал он бинокль подошедшему Васильчикову.

И в туче пыли хорошо было видно, как колонна танков из дальнего леса дорогой шла к селу.

– Сколько насчитал?

– Пятнадцать. Да еще часть, несколько единиц, с пригорка спустились в ложбину, не видать. В общем, тридцать, это самое малое. Теперь смотри налево.

Со стороны Давыдовичей тоже шла колонна, но не танков, а автомашин с пехотой.

– У тебя есть связь со штабом полка? – спросил Васильчиков.

– Конечно. Скворцов, дай первого, – приказал Московский стоявшему за спиной сержанту.

– Товарищ первый? Иван Григорьевич, это Васильчиков.

Я у Московского... Танки, примерно в километре от нас, не менее тридцати. От Давыдовичей мотопехота подходит... Бери, тебя, – подал он трубку Московскому.

Майор Московский все эти минуты лихорадочно думал: «Что делать? Принять бой в явно невыгодной позиции и против превосходящего противника или просить разрешения отойти на исходный, на опушку леса, где вполне можно удержаться?»

– Слушаю, товарищ полковник. Как чувствую себя? Неважно. Не удержаться здесь, боюсь – раздавят. Стоит ли рисковать? Есть. Понял, товарищ полковник.

– Ну, что?

– Отходить! Ротных ко мне, быстро! – дал команду сержанту майор Московский.

Он снова стал смотреть в бинокль на поле. «Метров восемьсот... Десять танков пошли влево, на соседа, – с облегчением подумал Московский, – а эти, значит, на нас».

В бинокль хорошо было видно, как с грузовиков посыпалась немецкая пехота. Развернувшись в линию взводов, она споро пошла за танками, которые медленно ползли вперед. «Четко воюют», – смахнул Московский пот со лба и посмотрел на Васильчикова. У того лицо было, как всегда, спокойным, только со сжатыми до белизны губами.

Танки, оставляя за собой облака пыли и все более увеличиваясь в размерах, начали стрелять с коротких остановок. Сразу несколько взрывов одновременно взметнулось в селе,

и клубы пыли и огня поднялись над домами.

Получил приказ на отход и батальон капитана Леоненко.

– Вольхин! Давай со своими назад! Скорее! – услышал Валентин сзади голос своего ротного.

А бойцы его взвода уже открыли по наступающей немецкой пехоте беспорядочный огонь.

– Что, так все сразу и побежим? Передают, как котят!

– Взвод Данилова прикрывать останется, у них еще бутылки с горючкой остались.

Вольхин дал команду взводу на отход, быстро пересчитал своих глазами и пошел следом. Бежать было стыдно, хотя и есть приказ отходить. Только после разорвавшегося метрах в пятидесяти от него снаряда, поднявшего высоко вверх комья земли, Вольхин перешел на бег.

«А Урюпин?» – ожгло мозг Вольхина, когда он увидел, как четверо его бойцов, спотыкаясь, тащат на плащ-палатке раненного час назад Новикова. Валентин остановился на мгновение, но в сердцах махнул рукой и побежал дальше. «Ему теперь все равно, кто и как похоронит», – пытался успокоить себя Вольхин. Справа и слева то и дело попадались убитые в начале атаки, и Валентин заставил себя не думать о погибшем Урюпине, труп которого они оставили немцам. «А что скажут ребята? Мог же я распорядиться похоронить его, пока было время...» – сверлила голову мысль.

Капитан Шапошников, с первых минут атаки полка по-

стоянно державший связь с батальонами и только изредка выходивший на опушку леса, чтобы собственными глазами посмотреть на ход боя, скоро по характеру докладов комбатов, да и по тому, что видел сам, стал понимать, что их успех временный. Батальоны расходились в стороны, промежутки между ними увеличивались, и даже без бинокля было видно, что бой за село явно затягивается. Он не слышал разговора Малинова с Московским, но, вернувшись в блиндаж, по лицу командира полка понял, что обстановка резко изменилась к худшему.

Связи с батальонами Леоненко и Московского уже не было, лейтенант Денисенко, начальник связи полка, встретив Шапошникова у входа в блиндаж, сказал, что батальоны получили приказ командира полка на отход, связисты сматывают провода. Шапошникову стало неприятно, что всего за несколько минут, пока он с опушки наблюдал в бинокль за действиями батальонов, обстановка круто изменилась, а он ничего об этом не знает, и что командир полка принял решение отходить, не посоветовавшись с ним.

– Московского и Леоненко атакуют крупные силы противника, Александр Васильевич. Я дал приказ отойти на исходный, – услышал сзади Шапошников неуверенный голос Малинова.

Впереди, у наблюдательного пункта полка, разорвалось несколько снарядов, один из них с громким треском переломил пополам большую сосну.

Шапошников вышел из блиндажа и с опушки леса снова стал наблюдать за полем боя. Видно было не все, только часть батальона Леоненко, но и из той картины, что он увидел, было ясно: утренняя атака сорвалась. Через ржаное с черными проплешинами поле бежали к лесу цепочки и сбившиеся в группы бойцы, следом за ними ползли танки. Шапошников, быстро переводя бинокль слева направо, насчитал их восемь, но отметил про себя, что идут не густо, с интервалами между машинами в среднем около ста пятидесяти метров. За танками бежала довольно редкая цепочка автоматчиков.

«Ничего, отобьемся», – подумал Шапошников и спросил стоявшего рядом старшего лейтенанта Меркулова, начальника артиллерии полка:

– Где батарея Терещенко? Почему не ведет огонь?

– Только что отошла на исходный, сейчас будет готова. Не беспокойтесь, товарищ капитан, в чистом поле с опушки леса танки жечь будет еще удобнее.

– А сколько с утра танков подбили? Есть данные?

– Точно сказать трудно. Знаю, что у Терещенко подбили два да два силами пехоты, но это только начало.

Шапошников снова стал смотреть в окуляры бинокля на немецкие танки. Один из них выстрелил на ходу, другой полыхнул огнеметом перед собой, и рожь мигом вспыхнула густым черным пламенем. «А это что?» – Шапошников с удивлением наблюдал, как двое бойцов на ходу забрались на танк,

бросили плащ-палатку на триплексы, и ослепшая машина встала, потом дала задний ход и резко крутанулась на месте, а потом вдруг вспыхнула. «Ну и молодцы ребята, – весело подумал Шапошников. – Хорошо придумали. А ведь не учили такому!» Переведя бинокль на следующий танк, он поймал в окуляр чуть согнувшегося, бежавшего навстречу танку нашего пехотинца. «Срежет пулеметчик из танка!» – подумал Шапошников, но боец присел, потом снова появился из ржи уже сбоку от танка, залез на него на ходу, опустил гранату в открытый люк и нырнул с брони в рожь, словно в воду. Шапошников не слышал взрыва в танке, но машина, пройдя еще несколько метров, встала, и из люка густо повалил дым.

– Меркулов! Ты смотри, что они делают! Так и артиллеристам работы не останется!

Расчеты «сорокапятков» готовились к открытию огня, а к линии орудий подбегали, валились в траву и тут же начинали окапываться отступавшие бойцы.

– Ребята, быстрее, быстрее! – слышал Шапошников чей-то охрипший, но еще сильный голос. – Петров! Кононов! Занимайте оборону левее Маслова, да не жмитесь к нему, – кричал взводный, расставляя своих людей. – Через пять минут чтоб всем зарыться!

«Да, через пять минут, не больше, танки будут уже здесь, – с холодком в душе подумал Шапошников. – Если, конечно, Терещенко их не завернет».

Оставшиеся шесть танков, что были в поле зрения Ша-

пошникова, сбавили ход, поджидая свою пехоту, потом четыре встали и начали неторопливо стрелять по опушке, а два крайних справа продолжали двигаться. Рожь перед ними совсем сгорела, и танкисты, видимо, уже не опасались получить бутылку с горючей смесью на двигатель.

Шапошников вернулся в штабной блиндаж.

– Капитан, ставьте задачу Горбунову. Пусть занимает участок в затылок Московскому, у него две роты еще не вышли из боя, – приказал Шапошникову полковник Малинов.

– Слушаюсь. С Малых есть связь, Денисенко? – спросил Шапошников.

– Есть, товарищ капитан.

– Возможно, придется вызывать заградительный огонь в ближайшие пол часа, – сказал Шапошников, заметив удивление в глазах Малинова. – Меркулов, у вас готовы данные для стрельбы?

– На три варианта. О взаимодействии договорились. Помогут нам, если сами не справимся.

– Я вам нужен сейчас, товарищ полковник? – спросил Шапошников Малинова.

– Что вы хотели?

– Проконтролировать, как встанет батальон Горбунова, и еще раз проверить оборону у Леоненко. С минуты на минуту надо ждать танковой атаки.

На выходе из блиндажа лейтенант Тюкаев, первый помощник Шапошникова, сообщил ему, что в полосе полка, по по-

следним данным, разворачиваются для атаки еще три группы танков, примерно по десять машин в каждой.

Теперь от командного пункта полка до линии обороны было всего метров триста, и Шапошников, поставив задачу батальону Горбунова, поспешил на пригорок, откуда были более-менее видны действия батальона Леоненко и отошедшей роты батальона Московского.

Танки, а их было видно теперь пятнадцать, двинулись в атаку. Те два, что и до этого шли без остановки, выползли почти на опушку, встали и начали густо поливать свинцом редкие стрелковые ячейки. Один танк вскоре загорелся, подожженный кем-то из батареи Терещенко, а второй, чувствуя, что сзади его прикрывает пехота – подбежали десятка два автоматчиков, – смело рванулся вперед.

«Ну вот, сейчас сделает рывок, подлец, и выйдет прямо на командный пункт полка», – с тревогой подумал Шапошников, разглядывая в бинокль темно-серую тушу танка.

Впереди, справа и слева, началась густая ружейно-пулеметная стрельба, где-то справа за кустами бабахала «сорокапятка». От смело идущего вперед немецкого танка отбегали в стороны наши пехотинцы, изредка постреливая с колена или на ходу.

– Разрешите, я сбегая, товарищ капитан!

– Куда? – не понял Шапошников и, уже видя, что справа от него кто-то побежал навстречу танку, повернулся к лежавшему рядом лейтенанту Тюкаеву: – Это кто? «Сбегая!»

Что, жить надоело?

– Это Чайко, товарищ капитан. Мой боец, когда я еще пулеметным взводом командовал.

И Шапошников сразу вспомнил этого паренька. Кажется, белорус. Вчера привел пленного мотоциклиста, который и сообщил, что перед ними 4-я танковая дивизия. Этот пленный был первым в полку.

Чайко короткими перебежками, по дуге, подбежал к танку метров на пятнадцать. Перекатился, чуть привстал и швырнул связку гранат под гусеницу. Танк от взрыва чуть вздрогнул, прошел еще несколько метров, разматывая гусеницу, и встал. Из люка вылезли двое, но не в комбинезонах танкистов, а... в трусах и в майках.

Чайко лежал лицом к небу – в момент броска гранат его срезали автоматными очередями бежавшие за танком пехотинцы.

Тюкаев, побелевший от напряжения и злости, бил кулаком по земле:

– Такого парня! Да бейте же их! Савин, Рудяк!

Лежавшие рядом красноармейцы из комендантского взвода открыли беглый огонь, и оба выскочивших в одних трусах танкиста через несколько секунд корчились в предсмертных судорогах. Автоматчики, бежавшие за танком, увидев, что их прикрытие загорелось, не залегли, а, наоборот, перебежками по двое-трое, непрерывно стреляя, пошли вперед.

– Надо отходить нам, товарищ капитан, – сказал Тюкаев, трогая Шапошникова за рукав. – Эх, жаль парня! Шел почти на верную смерть. И никто же не посылал, сам поднялся.

Батальон капитана Козлова и приданная ему батарея Похлебаева после первой успешной атаки рано утром и после освобождения из окружения штаба корпуса перешли к обороне. К счастью, это было сделано вовремя. Из тех тридцати танков, что насчитал майор Московский, десять повернули на батальон Козлова. Те минут двадцать, не больше, что оставались до новой схватки, бойцы батальона лихорадочно зарывались в землю. Взводные еще не успели обойти своих людей, как на позициях батальона начали рваться снаряды.

Политрук роты Андрей Александров за эти минуты, перекрывая все нормативы, успел выкопать окопчик до пояса. Он вытер пилоткой лоб и принялся считать танки, прикидывая расстояние и скорость. Танков было десять, шли они веером, ровно, красиво и жутко. За ними с интервалами метров в пятьдесят в несколько цепей шла пехота. «Даже с барабанами! – ахнул Андрей. – Как психическая атака в «Чапаеве»! Ну и нахалы! Да мы же лучшая дивизия Красной Армии, и нас – брать на испуг? И куда прут – у нас же пятьдесят пулеметов в батальоне».

Андрей еще раз посмотрел на спешно отрытые по сторонам окопчики и ячейки. На виду было их несколько десятков, сколько-то скрыто пригорком и кустарником, но все рав-

но это был батальон почти штатного состава. Теперь, после первой их успешной атаки, страх и скованность исчезли совсем. Остались лишь злость и азарт предстоящего боя.

Сзади, словно детонируя друг от друга, раздалось пять или шесть орудийных выстрелов из 76-миллиметровых орудий, потом еще примерно столько же, но послабее басом – «сорокапятков». Два танка остановились и загорелись от первого же залпа, через несколько секунд еще один, на всем поле одновременно по три-четыре вставали и оседали пыльные разрывы. Танки и пехота прибавили скорости, открыв огонь на ходу, но уже метров через двести, когда заработали все полсотни пулеметов батальона, атака немцев застопорилась и их цепи залегли. Танки встали, стреляя с места, но скоро начали пятиться один за другим.

Через несколько минут боя политрук Александров, оторвавшись от винтовки, насчитал шесть подбитых и горевших танков. В глубине обороны у немцев горело что-то еще, очевидно автомашины. Серые фигурки автоматчиков откатывались, прикрывая друг друга огнем во время перебежек. Андрей принялся было считать лежавших немцев, но, насчитав на сотне метров слева, что ему было хорошо видно, больше десятка, бросил, над головой свистели пули, высовываться было опасно.

Непрерывный и сплошной треск пулеметов, достигший максимума на несколько минут, прекратился почти мгновенно. Когда гитлеровцы откатились, стрельбу вели всего

один-два пулемета, словно что-то подчищая впереди.

Старший лейтенант Похлебаев, хотя его батарея и подбила два танка из шести, стрельбой был недоволен: можно было сжечь и больше. Остальные четыре танка подбили какие-то левофланговые орудия батареи Терещенко и батарея 278-го легкого артполка полковника Трофима Смолина. Да и заплатить за эти два танка Похлебаеву пришлось дорого: был убит лучший наводчик его батареи сержант Печенкин и тяжело ранен осколком в горло командир огневого взвода лейтенант Стариков. Похлебаев поставил вместо него бывшего до этого на боепитании лейтенанта Николая Агарышева, который все это утро так и рвался в бой.

Когда атака немцев захлебнулась и даже им, наверное, стало ясно, что здесь не прорваться, на батарею прискакал старший лейтенант Меркулов. Еще с коня он видел, как немецкий танк крутился на позиции взвода Старикова, как подмял под себя не успевшего бросить гранату под гусеницы лейтенанта Тихонова. Меркулов соскочил с коня рядом со стрелявшим из пулемета лейтенантом Федором Павловым, на голове которого белели бинты. Позади промчался на коне Агарышев, размахивая клинком, а за ним две упряжки с орудиями. «Позицию меняют или в тыл?» – пронеслось в голове у Меркулова.

Подошел Похлебаев.

– Да-а, ну и картина у тебя... – с восхищением протянул Меркулов.

Вся огневая позиция батареи была перепахана снарядами, хотя орудия один от другого стояли на расстоянии до пятидесяти метров. Одно орудие с помятым лафетом покосилось на разбитое колесо, второе, тоже поврежденное, смотрело в сторону, на горевший немецкий танк.

– Все твои? – кивнул Меркулов на три дымивших перед батареей танка и пять бронетранспортеров.

– Моих два, третий – Терещенко, а бронетранспортеры – все его, – ответил Похлебаев.

Меркулов еще раз оглядел позиции батареи: у ближайшего орудия навалом лежали стреляные гильзы, ящики, что-то дымилось, суетились артиллеристы.

– Терещенко молодец, и орудия расставил хитро. У него Ленский два танка подбил да Лопатко один. Там они, представляешь, один танк подожгли всего метров с пятидесяти, в бок... Слушай, Георгий, – после паузы с болью в голосе сказал Меркулов. – Вася Сасо убит.

Похлебаев прикусил губу, покачал головой.

– Поедем попрощаемся. Сейчас его хоронить будут, пока тихо. Где у тебя конь?

– Езжай, я догоню.

Лейтенант Василий Сасо, красавец парень, всего лишь три часа назад заразительно смеявшийся, когда рассказывал, как его бойцы гнали немцев, теперь лежал мертвый под березой у своей могилы.

Подъехал Похлебаев. Все стоявшие у могилы были дру-

зьями: Терещенко, Иванов, Меркулов, Агарышев. Вместе начинали службу в полку, вместе бегали на танцы, потом гуляли друг у друга на свадьбах, и никому тогда в голову не приходило, что им скоро придется и хоронить друг друга.

– В полном сознании умирал, – тихо сказал Иванов подошедшему Похлебаеву, вздохнул, разгоняя спазмы в горле, и добавил: – Три бронетранспортера подбил... И помочь никак нельзя: осколки в шею и в грудь... Как не хотел... – не закончил фразы Иванов, закрывая пальцами глаза.

– Пора опускать, – сказал кто-то из стоявших у могилы. Все по очереди поцеловали Васю в холодный лоб и неумело, но бережно опустили его тело в могилу.

Второй дивизион 497-го гаубичного артполка майора Ильи Малыха по плану боя должен был встать левее 1-го батальона полка Фроленкова и прикрыть дорогу Давыдовичи – Грязивец.

Дивизион выдвинулся на указанный рубеж к восьми часам утра. Хорошо было слышно, как справа, километрах в двух, шел бой, и капитан Найда, командир дивизиона, отдавая распоряжения командирам батарей на занятие боевых порядков и устройство наблюдательных пунктов, решил съездить поискать свою пехоту и вообще осмотреться.

– Житковский! Берите Мальцева, троих с рацией из управления, и быстро в машину, – приказал он своему начальнику штаба. – Поедем на рекогносцировку.

Дивизион растянулся по дуге почти на два километра, по опушке леса вдоль дороги. Впереди было только поле, справа, вдалеке, деревня, а еще правее, за бугром, шел бой.

Капитан Найда, когда проехали на машине с полкилометра в направлении деревни, застучал по кабине:

– Стой! Что это за колонна пылит?

Но и без binokley хорошо было видно, как от Давыдовичей выворачивает вдоль позиций дивизиона колонна танков.

– Может быть, наши? – неуверенно спросил старший лейтенант Михаил Житковский. – Идут вдоль фронта.

– Не видно ни черта, сплошная пыль. – Капитан Найда опустил binokly. – Пожалуй, это немцы. Не меньше десяти танков. Чилин! – позвал он радиста. – Передай на батарею: приготовиться к открытию огня прямой наводкой. Разворачивай! – крикнул он шоферу.

«Вот и началось, – подумал старший лейтенант Житковский. Как ни готовил он себя к первому бою, а все же не думал, что он начнется так, практически с ходу. – Еще хотя бы часок на подготовку... Как же мы без пехоты будем, да еще на прямой наводке...»

Справа, метрах в двадцати, разорвался снаряд – стреляли из колонны.

Машина на предельной скорости понеслась прямо по ржи, оставляя за собой длинный хвост пыли, и Житковский, оглядываясь назад, потерял было колонну танков из виду, как позади, примерно в километре, одновременно встало еще

несколько разрывов.

– Наши уже бьют! – крикнул сержант Чилин.

– Смотрите, справа еще какая-то колонна! – крикнул лейтенант Мальцев, начальник разведки дивизиона. – И обе на дивизион разворачиваются, товарищ капитан. Неужели заметили нас?

– Вовремя мы встали! Опоздай хотя бы на полчаса – прыгнули бы они по этой дороге вперед, куда им надо. – Капитан Найда говорил уверенно, словно бой уже закончился победой, хотя самое главное было еще впереди.

Расчеты на огневых работали всюду, когда машина с командиром дивизиона и управлением въехала на батарею лейтенанта Сахарова.

– Житковский! Оставайтесь здесь, поможете, а я к Емельянову! – крикнул капитан Найда, слезая с машины. – Смотри, почти все на батарею ползут! Я от Емельянова разверну пару орудий на них.

Танки, обе колонны, Житковский насчитал машин двадцать, развернулись в боевую линию и на скорости шли на батарею. Он посмотрел на часы: «Ездили всего двадцать минут!» Батарея лейтенанта Сахарова полгода назад была его батареей, Житковский еще не успел как следует привыкнуть к своей новой должности начштаба дивизиона, в «своей» батарее бывал часто, гордился, что она так и осталась лучшей в полку, и вот – начинается экзамен, как она себя покажет в настоящем бою.

Житковский подбежал к лейтенанту Сахарову:

– Я буду у третьего и четвертого орудий, а ты переходи к первым двум.

Как начальник штаба дивизиона, по уставу он должен был находиться на НП, и эта мысль в первые минуты боя не давала ему покоя – что с самого начала они воюют не так, как полагается по уставам. Но обстановка складывалась так, что ему важнее было быть сейчас именно на батарее.

Все орудия вели беглый огонь по приближающимся танкам, но попаданий не было.

– Ребята! Не волноваться, действовать, как на полигоне, наводите не торопясь! – подбадривал Житковский расчет третьего орудия.

– Вроде задымил один! – оторвался наводчик от панорамы орудия.

– Горит! Горит! – закричал замковый.

– Ну, теперь дело пойдет, – повеселел Житковский.

Сзади, метрах в десяти, встал огромный столб разрыва, потом еще один, очень близко слева.

Старший лейтенант Житковский корректировал огонь двух орудий еще минут десять, которые показались ему часом – такое было напряжение. Он даже не сразу понял, что танки отползают, выходят из боя. Только когда танки отошли за бугор, в рожь, он дал команду прекратить огонь.

Перед позициями батареи стояли пять танков. Один горел густо и смрадно, остальные дымили еле заметно.

Михаил Житковский, ощущая в теле усталость, какой он не знал даже после самых тяжелых учений, пошел к орудиям лейтенанта Сахарова.

Первое орудие было искорежено совершенно, и, судя по небольшому количеству гильз, в самом начале боя. У орудий лежали двое убитых из расчета. Житковский узнал обоих и невольно содрогнулся: это были его старые бойцы – Лазарев, наводчик, и Истомин, замковый. «Столько учились, и в первом же бою...» – с горечью подумал Житковский.

Недалеко от огневой, в ровике, фельдшер перевязывал плечо голому по пояс бойцу.

– Много раненых на батарее, Дурманенко? – спросил Житковский.

– У этих орудий семь человек, товарищ старший лейтенант. Трое очень тяжело, – ответил фельдшер и добавил дрогнувшим и тихим голосом: – Лейтенанта Сахарова убило.

– Как – убило? – оторопел Житковский.

Ему не хотелось верить, что убитые на батарее будут в первые же часы войны и что погибнет именно Сахаров, этот невозмутимый здоровяк, в котором силы было столько, что, казалось, хватит не на одну войну.

На огневой второго орудия, у зарядных ящиков, лежали трое, прикрытые плащ-палатками. В одном из них по белым, как лен, волосам Житковский узнал Сахарова.

– Как все получилось-то, – начал торопливо рассказывать лейтенант Василий Свиридов, командир штабной батареи

полка. — Первый танк он подбил, этот вот, смотри, — показал он на грудку металла метрах в двухстах от них, — а второй — прямое попадание снаряда в орудие, весь расчет побило, а он тут рядом лежал, немец из танка вылез, начали перестреливаться из пистолетов. Немца Сахаров убил, но тут пулемет из танка, и прямо ему в голову.

— А ты как здесь оказался?

— Подошел, когда они на пистолетах начали... Малых послал вам на помощь. А второй танк покрутился, да так и ушел.

Дивизион капитана Найды атаку танков отразил, хотя и с большими потерями. Майор Малых, когда бой закончился, осмотревшись, решил отвести дивизион Найды несколько назад, ближе к деревне и расположить его на более узком фронте, так как без пехоты дивизиону на таком участке действовать было рискованно, тем более что по условиям местности очередная атака гитлеровцев могла быть только через деревню.

Полковник Гришин с самого начала утреннего боя внимал даже в действия рот на отдельных участках, благо у него под рукой и было теперь чуть более половины дивизии. Часам к девяти утра он убедился, что первый успех встречного боя был временным. Из различных источников удалось установить, что перед ним и соседями действует не только 4-я танковая дивизия немцев, но и 10-я моторизованная. Как

он и ожидал, гитлеровцы, быстро опомнившись от первого, довольно напористого удара одной пехотой, скоро пришли в себя и ввели в дело танки. Сначала они атаковали сравнительно небольшими силами полк Малинова, батальон Козлова и дивизион Найды, стараясь, очевидно, нащупать щель и, не особенно ввязываясь в бои, прорваться на Пропойск, но Гришин чувствовал, что они где-то попробуют развить успех или ударят южнее. По сообщению соседа справа, от полтавчан, немцы атаковали и там, но послабее, чем у него. Командир 132-й Полтавской дивизии генерал Бирюзов в разговоре с Гришиным даже посочувствовал ему: «Мне видно, что у тебя там все горит. Наверное, жарко, да? Сколько танков подбил?»

Гришин понял, что пробиваться к Пропойску через дивизию Бирюзова немцам нет особого резона: заплутают в лесных дорогах под Чаусами, и, стараясь поставить себя на место командира немецкого корпуса, понял, что гитлеровцам удобнее всего ударить через Долгий Мох. Оттуда на Пропойск выйти было проще всего.

Долгий Мох он закрыл батальоном Лебедева из полка Фроленкова и дивизионом из 278-го легко-артиллерийского полка Смолина, но после форсированного ночного марша прямо с выгрузки батальон вряд ли успел как следует закрепиться. Была надежда, что гитлеровцы потеряют несколько часов в бою с полком Малинова, и она, к счастью, оправдалась. Его полк до полудня отбил еще две атаки танков сила-

ми по восемь-двенадцать машин при поддержке минометов и автоматчиков, и только после мощного заградительного огня гаубиц майора Малыха танки шарахнулись назад, а потом, колонной машин в пятьдесят, потекли на Долгий Мох, оставляя и полк Малинова, и батальон Козлова левее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.